

«аффе́кт — предме́т» при параноїдній шизофренії характеризувалась *неустойчивостью, лабільностью*. І відношення до об'єктів було неустойчивим, вкотре до амбівалентного.

Інтересно, що в патопсихологічеській літературі існують факти, свідечуючі про поєднання підвищеної лабільності емоційних процесів з деякими особливостями пізнавальної сфери (зниженням категоріальної чіткості і підвищенням рівня обобщення, що веде до створенню «порожніх», безсодержательних свєрхабстрактних обобщення) [1].

Но вкотре імовірно, що не тільки особливості пізнавальних процесів сприяють лабільності зв'язу «предмет — аффе́кт», но така неустойчивість обумовлена змінами мотиваційної сфери хворих шизофренією. Відсутність ведучого мотиву діяльності, різноплановість мотивації [2] веде до неустойчивості особистісних значень предметів і явищ, а значить і до неустойчивості їх емоційної окраски.

Ітак, наше дослідження виявило, що у хворих параноїдній шизофренією існує факт порушення структурної зв'язу предметного і афективного компонентів емоцій, що проявляється в її підвищеній неустойчивості, лабільності.

Взаємозв'яз порушень предметного і афективного компонентів емоцій при шизофренії складається в тому, що слабка структурованість предметного компонента емоцій посилює вплив емоційного фактора, тому навіть емоції середньої і низької інтенсивності можуть викликати більш виражену, ніж у здорових осіб, генералізацію емоційної окраски. Причєм із-за порушення предметного компонента емоцій в основі емоційної генералізації часто лежить схожість малозначущих ознак об'єктів і ситуацій.

ЛИТЕРАТУРА

1. Драгунська Л. С. Соотношение эмоциональных и познавательных процессов при эндогенной депрессии (по данным теста Роршаха) // Журн. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 1990. — Вып. 4. — С. 92 — 95.
2. Коченов М. М., Николаева В. В. Мотивация при шизофрении. — М.: Изд-во. МГУ, 1978. — 88 с.
3. Лотоцкая М. Ю. Особенности выполнения методики «Выбор сходных изображений» больными шизофренией // Вісн. Харків. ун-та. — 1999. - № 439: Психологія. — Ч. 1,2. — С. 257 — 261.

4. Лотоцкая М. Ю. Эмотивная оценка и произвольное запоминание слов различной эмоциогенности в норме и при шизофрении // Вісн. Харків. ун-та. — 1999. - № 460: Психологія. — С. 83 — 88.
5. Лотоцкая М. Ю. Особенности изменения аффективного компонента эмоций у больных параноидной шизофренией // Вісн. Харків. ун-та. — 2000. - № 483: Психологія. — С. 109 — 113.
6. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в быденном сознании. — М.: Изд-во МГУ, 1983.
7. Психология эмоций. Тексты / Под редакцией В. К. Вилонаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 288 с.
8. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций: Пер. с польск. — М.: Прогресс, 1979. — 392 с.

Надійшла до редакції 25.09.2000 г.

В.В.Москаленко

Особливості функціонування елітних угруповань в Україні

В статті проводиться аналіз сучасної політичеської і економічеської, центральної і регіональної еліт України. Описується процес психологічеського кризису довіри населення до правлячєму класу общества.

Останнім часом елітні угруповання українського пострадянського суспільства стали предметом пильної уваги вітчизняних науковців, особливо з області політології, соціології, філософії і т.інш. Актуальними темами для дослідження постають різні аспекти процесів виникнення, формування, розвитку, рекрутування і трансформації політичної еліти. В межах даної статті будуть проведені аналіз стану сучасної української еліти і спроба сформулювати декілька висновків відносно тенденцій її розвитку.

Сучасна державна політична еліта, також як і маси, перебуває в аморфному стані. В цілому ж для українського суспільства характерна передовсім глибока соціально-психологічна дезінтеграція. Цим пояснюється слабкість і невиявленість соціальних інтересів, відсутність громадянських цінностей і моральних орієнтирів. Між політичною владою і представниками масової свідомості можна спостерігати реальний розрив і відчуження. Кожен із них дбає лише тільки про свої інтереси і потреби. Все це зумовлює нестабільний

характер політичного процесу і створює передумови для досконалого розгляду проблем формування і становлення національної еліти.

Формування української політичної еліти – одна із злободенних проблем сьогодення. Як відомо, щоб Україна стала демократичною і правовою державою, необхідно становлення нових політичних структур і економічної системи. Тобто потрібна така влада, такі лідери, які б прискорили процес державотворення в Україні. Це повинні бути люди, які, крім певних особистісних якостей, високого рівня освіченості і культури, шляхетного походження і заможності, навіть таланту і геніальних здібностей, володіли здатністю не керувати, а діяти, причому на добробут своєї батьківщини. Тобто головним моментом у політичному житті сучасного представника політичної еліти повинен стати характер його діяльності, а так саме соціальний стан політика відповідає рівню елітності чи псевдоелітності.

Спробуємо проаналізувати реальний стан сучасної політичної еліти. Насправді, він не завжди такий, про який мрієш. Автор книги «Українська еліта» Іван Белебеа правильно визнає: «На мій погляд, негативним фактором українського суспільства є низький кількісний і якісний рівень української елітності, дає себе знати недостатність зв'язку між елітою і народом» [1; с.5]. У чому ж причини такого справедливого обвинувачення? Мабуть, в самій еліті. Адже існують деякі об'єктивні обставини. Якщо уважно придивитися до політичних лідерів сучасної України, то, на жаль, можна побачити, що біля керма правлячої верхівки суспільства залишається стара колишня партійна номенклатура, яка в своїй більшості складається із керівників-господарників. Для цих номенклатурників головною метою життя завжди залишається утримання та жадаба влади, і відмовляться від такого задоволення вони не збираються. А це заважає українському суспільству мати можливість формувати нову, молоду, патріотичну національну еліту. «Час вимагає нової еліти, найперше – правлячої, а саме такої, яку підтримують широкі верстви українства. Якщо ж така еліта, з будь-яких причин не формується, старій нічого не лишається, як ще жорсткіше експлуатувати співвітчизників, шукаючи при цьому винуватців кризового стану. Сьогодні маємо саме таку ситуацію в Україні» [2; с.45-46].

Основними сучасними тенденціями в процесі консолідації нового правлячого класу постають, по-перше, інтеграція політичних і економічних елітних угруповань, і по-друге, процеси регіоналізації еліт. Проблеми єдності політичних і економічних угруповань пов'язана з тим, що владна еліта бере безпосередню участь і виконує головну роль в економіці

держави. Правляча еліта відображає існування у бюрократії економічних інтересів і намагання господарювати і в цьому секторі.

Визнання владної еліти як політико-економічного угруповання пояснюється тим, що менеджерський елемент української економічної еліти ще не сформований, оскільки «сфера приватних виробничих відносин в Україні тільки ще проходить перший етап розвитку: від тіньового до легального бізнесу, від заповзятливості до дійсного підприємництва» [4; с. 25]. Але на відміну від менеджерського сегменту економічної еліти фінансова та підприємницька економічні еліти поступово набирають силу: йдеться про тих підприємців, які легалізовано займаються бізнесом.

Регіональні еліти – вельми цікаве і відносно нове явище в пострадянській Україні. Після проголошення незалежності України проблема регіонів стала одна із найактуальніших, особливо питання про взаємовідносини центральних і регіональних політичних еліт. Слід відзначити, що регіональні політичні еліти – це керівники регіональних організацій, політичних партій, суспільно-політичних об'єднань, які причетні до прийняття стратегічних і соціально-значущих рішень на регіональному рівні. Ключові тенденції організації і функціонування місцевих політичних еліт такі:

1. Боротьба регіональних політичних еліт за право володіння природними ресурсами і соціально-економічним потенціалом певного регіону;
2. Самоактуалізація і прагнення правлячих елітних угруповань на рівні регіонів до автономії;
3. Політична конкуренція еліт західних і східних регіонів з приводу їх впливу на центральну державну владу;
4. Послаблення і відокремлення зв'язків між федеральною і регіональною елітами.

Серед політичної еліти України впродовж її суспільно-історичного розвитку були та існують яскраві політичні лідери. На кожному етапі історії індивідуальність – лідер – відображає специфічні особливості суспільства, членом якого він є. В сучасних умовах політичний лідер відіграє значну роль у політиці, на відміну від будь-якої іншої політичної сили. І треба відмітити, що це цілком природно, бо Україна завжди була суспільством «лідерського» або «гетьманського» типу. Згадаймо, наприклад, таких видатних авторитетів нації і політики, як Б. Хмельницький, І. Виговський, І. Мазепа та інш. Аналізуючи феномен сучасного політичного лідерства, цілком однозначно можна стверджувати, що харизматичні лідери в державі відсутні. Існує низка відомих політиків, як правило представників провідних політичних партій, які навіть на заслуговують на це

почесне звання. Ці політичні дії не мають свого особистісного стилю, авторитет серед населення дуже слабкий і розмитий. Навіть можна говорити про існуючу психологічну кризу довіри людей до влади загалом і до конкретних політичних діячів зокрема. Одним із факторів розповсюдження недовіри є відсутність повноцінного діалогу, взаємодії між політичною елітою та широкими верствами суспільства.

В сучасних умовах довіра із локальної характеристики перетворюється в вельми визначний фактор інтеграції суспільства. Довіра людини до себе є важливою умовою психологічного здоров'я особистості, цільності її Я – концепції, відкритості у взаємовідносинах з іншими людьми... [3; с. 143] Ступінь довіри до політичних лідерів залежить від індивідуальних психологічних особливостей людини. Психологічно стійкі люди, адекватно сприймають існуючу дійсність, тверезо відносяться до різної інформації з приводу діяльності елітних угруповань, вони позитивно сприймають себе і оточуюче середовище. У таких людей у нашому суспільстві домінує установка на довіру. Психологічно не адаптовані особистості поводять себе інакше: почуття невпевненості і тривоги, низька самооцінка і обережне відношення до інших людей, невротизм і фрустраційне становище. Всі ці характеристики зумовлюють, за словами П. Штомпки, "культуру недовіри" суспільства [5; с.147], яка в свою чергу призводить до недовіри владі і почуття обману в українського населення, а також пов'язані з розчаруванням у демократичні принципи суспільно-політичного життя держави.

Кризові явища в суспільстві не можуть не відображатися на процесі трансформації ціннісних орієнтацій особистості. В основі механізму трансформації системи ціннісних орієнтацій лежить розлад між різними аспектами їх структури, які можуть усвідомлюватися актуально, так і не усвідомлюватися. Процеси ціннісної трансформації відбуваються як на рівні масової свідомості, так і на рівні елітних угруповань. Крім того, як зазначає В.Лапкін, "серед головних ціннісних зрушень і трансформацій виділяються два суттєвих процеси: це, по-перше, ціннісна диференціація і перетворення спершу однорідного радянського суспільства в суспільство різномірне, ціннісно гетерогенне; а по-друге, останнім часом... - більш зростаюче ціннісне розмежування елітосформованих і масових груп" [6; с.32]. Насправді, відрив, якщо не сказати протистояння, елітарних і масових інтересів є зовнішнім наслідком особливого прагнення еліти до влади. Головною цінністю елітних прошарків суспільства залишився потяг до влади. Звідси можна зро-

бити висновок, що правлячі еліти забувають про свою професійну і психологічну причетність до загальносоціальних потреб і настроїв.

Таким чином, політична еліта в нашій країні знаходиться ще в стадії трансформації. Нові елітні угруповання тільки починають формуватися. Політична еліта України формується в жорсткій боротьбі між різними партіями. Нині політичні утворення нестабільні – вони роздираються як через об'єктивні протиріччя, так і через амбіції лідерів.

Навряд чи сьогодні можна говорити про існування української економічної еліти як окремої групи. На нашу думку, економічна еліта з часом буде розширюватися та автономізуватися.

Реалії сьогодення свідчать, що саме культурницька, духовна еліта відіграє головну роль у процесі національного відродження України. Але в цьому обов'язково повинен брати активну участь й український народ, який, на жаль, політично ще є слабкою силою. Тому в сучасних умовах нам всім (і еліті, і населенню) потрібно знайти нові методи духовного, політичного, національного єднання всіх регіонів, всього українського народу.

ЛІТЕРАТУРА

1. Белебега І. О. Українська еліта. – Х, 1999. – 343 с.
2. Головатий М. Проблеми становлення української еліти і біль \ Нові політика. – 1999. - №2. – с.45 – 49
3. Лапкін В. Ценностная дифференциация элитобразующих и массовых групп современного российского общества \ Віче. – 2000 - №6. – с. 31 – 38
4. Черноволєнко В. и др. Проблемы статусной легитимации политических и хозяйственных элит современного украинского общества \ Социология: теория, методы, маркетинг. – 1999 - №4 – с. 5 – 28.

Надійшла до редакції 11.10.2000 г.

Л.В.Музичко, У.В.Ковальова

Використання образу дерева з метою проективного обстеження особистості

В статье рассматривается один из новейших вариантов в попытке использования образа дерева как составной части комплексного проективного обследования личности – теста шести рисунков, теоретически обоснованного и практически разработанного совре-

менним італійським психотерапевтом А.Менегетті.

У якості тест-об'єкту образ дерева застосовується досить широко у доволі розмаїтому переліку проективного психодіагностичного інструментарію, починаючи ще з розробок, виконаних у XIX сторіччі. Одним із перших малюнок дерева для вивчення особливостей індивідуальності особистості людини застосовував психолог із Швейцарії Е. Жюккерт. Його послідовник у справі використання дерева у якості тест-об'єкту Ж. Шлібе в 1934 р. оприлюднив колекцію зображень дерева досліджуваних ним осіб віком від 4 до 18 років. Відмінність такого проективного використання образу дерева полягала у множинному малюванні однією особою різних за видами дерев поспіль ("мертве", "щасливе", "тужливе", тощо). Але і в цьому дослідженні дерево виступало у якості єдиного об'єкту, на який досліджувана особистість спрямовувала власні несвідомі проекції та ідентифікації (2). Вперше зображення дерева використав Дж.Бук як елемент складного дослідницького комплексу у широко використовуваній у практиці психодіагностики методіці "Будинок-Дерево-Людина" (5). Такий почин виявився плідним і згодом в арсеналі теоретичної та практичної психологічної діагностики з'явилися нові авторські підходи до вивчення психологічних особливостей особистості, котрі завершилися створенням комплексного діагностичного інструментарію. Більш детально хотілося б зупинитись на поки що недостатньо знайомому у вітчизняній психодіагностичній практиці тесті шести малюнків. Автор ідеї і розроблювач тесту - відомий психотерапевт, основоположник нового напрямку сучасної психології - онтопсихології - професор Антоніо Менегетті.

Розробляючи проблему несвідомого з позиції розуміння його сутності, А. Менегетті вказує на розмаїття форм виразу останнього - так званих мов несвідомого. Серед останніх нас особливо зацікавив спонтанний малюнок, якому вчений надає особливого значення в якості психодіагностичного інструмента. Виступаючи супротивником застосування тесту Роршаха (так само як і будь-яких інших подібних тестів), через те, що вони задають механістичну установку, котра перешкоджає вільному прояву психічної діяльності, А. Менегетті довіряє лише тим тестам, які "творить" сам пацієнт (тобто суб'єкт сам вибирає простір, колір, техніку виконання, придумує сюжет). У такий спосіб складається ситуація, коли все цілком повинне з необхідністю виходити від суб'єкта (нав'язування пацієнту певних таблиць, спогадів, малюнків, штучних плям закладає помилкову передумову) і в психолога

з'являється можливість провести аналіз та винести судження. «Онтопсихологія в більшості випадків не схильна довіряти тестам, поскільки оцінка теста происходит через фільтр монітора відхилення (термін онтопсихології - *Прим. автора*), становяся легкою добычею для маніпуляцій іскажённої, а, следовательно, лишеної точности раціональности» (4).

Спонтанний малюнок (картина або скульптура), у розумінні А.Менегетті, є єдиним тестом, дійсно спроможним відбити реальність суб'єкта. На його думку в ході психотерапії за допомогою декількох спонтанних малюнків можна з легкістю простежити ідентичність ситуації клієнта. Важливо, щоб останній малював дійсно спонтанно: на білому просторі паперу він може створювати графічні або кольорові зображення, використовуючи акварель, олію, олівці або вугілля, а також будь-яку іншу техніку, що відповідає його емоційному стану в даний момент. Досліджуваний повинен припинити малювати за власним бажанням, як тільки порухає, що малюнок закінчений.

Тест шести малюнків є одним з інструментів психологічної діагностики з використанням клінічного онтопсихологічного методу. Для кожного малюнка задається свій предмет зображення, котрий досліджувана особа може виконати за власним розсудом, слідуючи лише вільному прояву фантазії. Матеріалом для тесту служать шість аркушів паперу для малювання, на котрих потрібно послідовно зобразити дерево, чоловіка (спочатку зображується фігура однієї з досліджуваних статі), жінку, батьківську сім'ю, власну актуальну ситуацію, ціль або те, як він бачить своє майбутнє, причому кожному темі - на окремому аркуші. Інструкція подається у довільній формі усно й обов'язково без пред'явлення друкованого тексту. Мотивуючи досліджуваного на виконання завдання, варто переконати клієнта малювати старанно, у спонтанній манері і з усіма деталями, пояснивши йому, що таким чином він бере на себе відповідальність перед собою. Пояснювати ціль виконаного тестування особливо необхідно при роботі з яскраво вираженою раціональною і недовірливою особистістю (А.Менегетті використовує для початку інструктування приблизно такий текст: «Зараз я попрошу Вас виконати тест, що не відніме багато часу, але дозволить мені зрозуміти, як ви схильні виражати свої ідеї. Мова йде про виконання шести малюнків, що зображують шість достатньо універсальних життєвих ситуацій...» і далі переходить до технічних подробиць інструкції).

Задаючи клієнту теми для зображення, психолог коротко пояснює їх, наприклад: як зобразити сім'ю: навіть якщо пацієнт народився

в багатодітній сім'ї, йому треба намалювати лише найбільш важливих для нього членів сім'ї; як зобразити поточну ситуацію: пропонується зобразити власний теперішній стан, щось найбільш звичне, повсякденне – тобто ситуацію, у якій людина перебуває сьогодні, незалежно від того, подобається вона або ні; як зобразити ціль або те, як пацієнт бачить своє майбутнє: потрібно намалювати те, що людина передбачає у своєму майбутньому, те, чим їй хотілося б займатися через 5-10 років, де б вона хотіла перебувати і ким стати, що б хотіла мати, або зобразити власну ідеальну ціль щастя, котра припала б до серця.

Проведення тесту потребує дотримання лише двох обов'язкових умов – порядку виконання малюнків і спонтанності або безпосередності їхнього зображення. Проте, порядок виконання малюнків не є визначальним моментом, але рекомендується дотримуватися його, оскільки останній припускає свого роду формалізовану інтроспекцію; досліджуваний повинен відбити певну тему, щоб зробити крок до розкриття своєї ідентичності. Бажано, щоб він не користувався ластиком, представляючи малюнки у первісному вигляді. Проте, найбільш значимими є остаточні варіанти зображень. Малюнок, як його трактує А.Менегетті, має виражати старання, а його лінії – емоційну рішучість суб'єкта, інакше прочитання його психічної динаміки виявиться неможливим (досліджуваний безупинно повинен слідувати власному спонтанному пориву, а не техніці малювання!).

Для тесту даного типу автор вважає кращим використання одного кольору, оскільки в ньому вкрай важливим є саме графічне промальовування. Всі малюнки повинні бути виконані одночасно і розглянуті в сукупності. Час виконання завдань не регламентується, звичайно для проведення тесту багато часу не потрібно. Застосування тесту потребує попереднього ознайомлення з досліджуваною особистістю і її сімейним оточенням, або, як мінімум, збору необхідної інформації про сім'ю, оскільки наявна анамнестична інформація полегшує розуміння спонтанної графіки. Тест рекомендується використовувати лише для обстеження конкретної особи лише один раз.

Серед переваг тесту виділяється те, що він може бути запропонований будь-якій людині (починаючи з трьохрічного віку), тому що він не потребує особливих навичок у малюванні, на його достовірність не впливають соціокультурні чинники, стать, рівень освіти і т.п.

Автор вважає, що тест шести малюнків розкриває загальну картину психічної динаміки людини. Оскільки він твориться самим суб'єктом, він являє собою його психічну графологію. Хоча тест базується на декількох фігу-

рах – шести найпростіших універсальних ідей – з його допомогою можна описати нескінченну низку характерів. Крім того, тест дозволяє визначити в людині художні нахили. Окрім свого діагностичного призначення тест шести малюнків являє собою корисний інструмент порівняння при проведенні психотерапевтичних тренінгів (використовується для верифікації особистісних змін, котрі проявляються у клієнта в процесі психотерапії).

«Інтерпретація теста шести рисунків близька к толкованию снов, имагоики, анамнеза и позволяет выявить направленность бессознательного у клиента. Тест служит для понимания глубинной экзистенциальной установки субъекта, но его можно использовать и для выявления заболевания субъекта. Если глубинная структура клиента позитивна, то можно начинать любое дело. Неважно, скуп он или щедр, интроверт или экстраверт: важно понять его позицию по отношению к бытию как в патологическом, так и в эволюционном смысле.» (4).

Оцінюючи результати тестування, А.Менегетті рекомендує спочатку тлумачити власне враження психолога при першому ознайомленні з отриманими від клієнта зображеннями для розуміння ним сутності ситуації суб'єкта. Якщо малюнки викликають неприємні емоції, є механістичними, то у вісцеральній зоні дослідника виникає в почуття холоду і ригідності. Якщо ж малюнки, навпроти, виявляють реальність, що відбиває наявність життєвих сил клієнта, виникає відчуття циркулярного розширення. Подібне явище А.Менегетті пояснює тим, що в житті діє певний унісон: якщо досліджувана особа хворіє, то здорове життя автентичного психолога реагує захисною уявою, тобто не приймає психологічну структуру ситуації клієнта.

Незважаючи на вказівки, клієнт може виконати малюнки в іншій послідовності. У цьому випадку особлива увага приділяється створеній клієнтом послідовності (акцент робиться на порядок презентації зображень чоловіка і жінки, тому що це відбиває домінуючу семантику клієнта).

Автор вважає, що якщо людина в усіх своїх малюнках орієнтується винятково на себе, то це відбиває високий рівень відповідальності, оскільки вона вже цілком усвідомила, що будь-яка проблема бере свій початок і знаходить свій розвиток саме в ній самій (малюнки даного типу свідчать про подальше просування до досягнення власної автентичності). Той із шести малюнків, що виконується найбільш старанно, складає епіцентр ситуації, тобто є найбільш правдивим і даючим ключ до цілісної інтерпретації. Загальну схему оцінки малюнків можна уявити таким чином: {інтерпре-

тація графічного зображення} + {інтерпретація символізму}.

В цілому, розглядаючи малюнки, психолог повинен зафіксувати: чи однаково у всіх малюнках виявляється використана випробуваним техніка, характер ліній (упевнені, нерішучі, переривчасті і т.п.), наявність або відсутність кольору взагалі або конкретного кольору зокрема (якщо останній використовується відповідно до методики), пропорційність розміщення малюнка на аркуші паперу (займає всю площу або це маленьке зображення в центрі), розташування малюнка на площині (угорі, справа і т.п.).

Якщо на всіх малюнках постійно з'являється той самий елемент, це свідчить про нав'язливу ідею, що захопила людину, якою, наприклад, може виявитися опір психологу, відстоювання власної думки тощо. Як наслідок - руйнується реальність усіх шести малюнків. Такого роду стан настільки охоплює людину, що вона неспроможна вступити в розумний діалог.

Аналіз кожного з малюнків заснований на використанні однакових критеріїв, що використовуються при тлумаченні сновидінь (див. 4, Гл. 4, 5, 10 частини першу та п'яту), а саме: а) функціональна природа зазначеного символом об'єкта або контексту стосовно людини; б) дієвість символу в системі "причина-наслідок"; в) семантичний критерій. Ці критерії доповнюються чотирма чинниками-джерелами психогенезу символу (соціальною дійсністю, візуалізацією інстинктів, семантичним формоутворенням зовнішнього походження, метаісторичними імпульсами людства) і чотирма елементами, котрі необхідно враховувати в будь-якому процесі інтерпретації (дія змін, середовища, особистості або індивіду, почуттів).

Оцінюючи тест, варто відрізнити так звані «правдиві» малюнки від «фальшивих», тобто тих, у яких не виражається несвідоме. Різниця між ними полягає в тому, що «правдивий» малюнок завжди викликає в глядачеві динамічний емоційний контакт, тоді як «фальшивий» ніколи не спричиняє динаміки.

Перед тим, як перейти до розгляду деталей малюнка, необхідно дослідити основні його показники (для дерева це корені, ґрунт, стовбур, крона, і взагалі сам факт зображення чи відсутності дерева). Тобто, повинна існувати функціональна відповідність намальованого. Це на думку розробника є першим аналітичним показником для встановлення справжньої «адреси» малюнка (8).

Дерево, як складова комплексу тест-об'єктів методики, відбиває індивідуальну психобіологічну ситуацію особистості, іншими словами - це бачення власного життя. Цей малюнок дає уявлення про цілісну ситуацію

людини в контексті середовища. Зображення дерева виражає інтенцію та ситуацію в діях клієнта; крім того, воно дозволяє встановити рівень психологічної і соціальної стабільності суб'єкта.

Міжособистісні розходження виявляються в якості зображення дерева різними людьми. Автор вважає, що з множини існуючих засобів зображення дерева кожний характеризує особливий життєвий стиль. Наприклад, намальовані на дереві отвори, що символізують сучки або обрізані чи засохлі гілки, говорять про існуючий комплекс визначеного типу або наявне травматичне переживання (хвороба або пережите насильство), або ж про примусову фрустрацію. Подібні деталі з необхідністю виявляються й у наступних малюнках. Наприклад, досліджуваний зображує дерево з дуплом. Потім на малюнку сім'ї можна простежити фігуру самого суб'єкта на ознакою наявності якоїсь рани. Далі пацієнт малює щось схоже на рану, зображуючи жінку. На підставі пред'явлених зображень, об'єднаних зазначеною аномальною темою, психотерапевт спроможний встановити, що травматичне або комплексоформуюче переживання пацієнта пов'язано з жінкою, наприклад, із сестрою. На даному етапі актуалізується необхідність проаналізувати минуле. Якщо з аналізу малюнка випливає, що пацієнту була нанесена травма, то необхідно відслідкувати та "розв'язати" її. Тоді, звільнившись від тягаря, що травмує, людина зможе продовжити свій життєвий розвиток. Якщо травматична ситуація залишилася нерозв'язаною, то вона збільшується й у майбутньому при певних обставинах може призвести до психосоматичної або психічної патології.

Аналізуючи малюнок варто звертати увагу на розташування дерева на аркуші паперу та його розмір стосовно останнього, оскільки простір вказує на широту амбіційних прагнень людини. Наприклад, промальована верхівка дерева і «висяче» над землею дерево говорить про те, що людина у своєму розвитку ринеться досягти суспільного схвалення з огляду на власні можливості.

Далі наведемо деякі закономірності зображення дерева і пов'язані з ними психологічні особливості людини-автора малюнка: дерево цілком займає всю площину паперу: а) його корені укріплені в землі: суб'єкт знаходиться у позитивному організмічному напруженні (присутнє яскраво виражене прагнення до чітко визначеної мети, що потребує свого здійснення) і має персоніфіковану витривалість; б) позбавлене укорінення: переваження раціональної схеми над інстинктом (для людини важливіше метод, ніж інтуїція) і наявність надмірної екстравагантності, тобто існує зневага до

власного внутрішнього світу ; в) дерево має маленьку основу: поверхневність, легковажність (людина ще не сформувала своєї основної структури, не має діючого базового зв'язку з власним несвідомим і її «Я» позбавлене внутрішньої впевненості, надмірна пригніченість особистості (потреби в посиленні діалектичного зв'язку з іншими людьми); г) замість цілого дерева зображена гілка з одним чи декількома листками: надлишок ідеалізму, ентузіазму, множина задумів при хибі конкретності (аналогічно пояснюється малюнок дерева з відсутньою основою).

Велике значення має пропорційне співвідношення між стовбуром і кроною (маленька основа дерева, як правило, говорить про поверхневність людини і відсутності фундаментальної структури). Стовбур і крона можуть вказувати на жіночу і чоловічу статеву систему, тому треба старанно досліджувати враження, котрі спричинює їхнє зображення.

Важливо також і те, дерево якого виду малює досліджуваний; чи є на ньому листя, квіти, потрібна кількість гілок тощо. Крізь крону може проступати профіль суб'єкта (веселий, пригнічений, гордий, «старий»...).

Крім того слід уважно ставитись до дрібниць, що доповнюють загальний вид: гриби, тварини на гілках або в корінні, отвори, сучки на стовбурі і т.п. Зображення гнізд, дупел означає хворобу, є символом чогось не властивого дереву. Гніздо з птахами не властиве власне дереву, воно вказує на наявність чужорідних ситуацій у житті людини. Наприклад, якщо жінка малює гніздо між двома гілками дерева, це може означати кісту або новоутворення в яєчниках або матці. Принцип здоров'я дерева закладений у землі, у відгалуженнях, у потужній кореневій системі й у його спрямованості до неба. Існують різноманітні засоби вираження цього принципу.

Плоди на дереві, якщо вони зображуються без червини або сидячих на них комах, завжди означають актуальний психічний добробут людини, тобто її задоволеність, самореалізованість. Якщо вони на дереві відсутні, то для молодих це може означати прямування вперед, необхідність у самостановленні та самовизначенні..

Персонаж однієї з людиною статі вказує на те, як вона сприймає саму себе, а персонаж протилежної статі виявляє те, яким бачиться представник протилежної статі і яким уявляється ставлення останнього до неї. Завдання психолога полягає в дослідженні того, як клієнт зображує фігуру протилежної статі та зіставленні цього зображення з малюнком фігури однієї з клієнтом статі, оскільки графічному виразу відповідає його життєве психологічне переваження. Наприклад, якщо малюнок ви-

конує чоловік, то зображувана ним жіноча фігура повинна зазначати спосіб його бачення жінки, і, отже, у загальному плані - тип його відношень із партнером. Тобто важливим є не саме статеве питання, а ментальна установка стосовно протилежної статі.

Малюнок батьківської сім'ї ідентифікує актуальну динаміку сімейної групи (переважаючі стосунки, домінуючу особистість, пасивну особистість, позицію, котру займає людина в даному контексті тощо). Навіть якщо в людини велика сім'я, вона, власне, вказує найбільш значимі для неї емоційно-почуттєві стосунки любові або ненависті, що зв'язують її лише з декількома членами сім'ї. Як правило, є мазунчик, суперник і третій («середина наполовину»). Якщо клієнт використовує колір, цікаво спостерігати, як за допомогою саме цього засобу вираження вона виділяє членів сім'ї.

Малюнок актуальної ситуації відбиває стан (позитивний або негативний), що переважає в даний момент життя людини. Поряд із зображенням дерева, цей малюнок має особливе значення для початкової діагностики. Якщо людина не реалізована, вона у своєму малюнку неминуче проектує свої обмеження, а іноді і власне захворювання.

Стратегія несвідомого визначає топографію ситуації і сигналізує про помилку або успіх відповідно до ієрархії, відправною точкою якої є самий індивід: на першому місці виступає фізико-біологічна цілісність, потім сфера емоцій і почуттів, слідом соціальна ділова сфера. Таким чином, у малюнку поточної ситуації людина вказує проблему, що потребує негайного психотерапевтичного втручання.

Якщо малюнок поточної ситуації, так само як і малюнок цілі або того, як суб'єкт бачить своє майбутнє, виражає ту саму динаміку, це означає, що він - у даний момент - не налаштований на подальше зростання (у цьому випадку варто очікувати момент, поки він не прийме відповідне рішення).

У малюнку бачення власного майбутнього відбиваються амбіції, ідеали або ті найближчі ситуації, досягти яких сподівається людина. Він вказує напрямок її екзистенціальної амбіції, її ціннісні орієнтації, побічно показуючи енергетичне цілеспрямовування суб'єкта, а також відкриває шлях, що дозволить даній людині реалізувати власний потенціал (якщо малюнок виражає життєві сили, зацікавленість, задоволення, це свідчить про прагнення суб'єкта до самореалізації). Крім цього, малюнок може вказувати на особливі креативні здібності особистості.

А.Манегетті, спираючись на клінічний та психотерапевтичний досвід, як власний, так і своїх колег, зазначає вияв більш широких діагностичних можливостей використання образу

дерева. Саме залучення тест-об'єкту дерева до комплексного проєктивного обстеження особистості відкриває новий шлях взаємодії з невідомим клієнта, що призводить до поглиблення вивчення більш цілісної структури особистості людини як у ситуації її "нормально" функціонування, так і у стані психічної патології. Як нам здається, такий напрямок у подальшій розробці психодіагностичного інструментарію з використанням дерева у якості тест-об'єкту є досить плідним та перспективним.

ЛІТЕРАТУРА

1. Анастаси А. Психологическое тестирование. Пер. с англ.. В 2-х кн. / под ред. К.М. Гуревича, В.И. Лубовского. - М.: Педагогика, 1982.
2. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике. - СПб.: Питер Ком, 1999. - 528с.
3. Менегетти А. Учебник по онтопсихологии / Пер. с итал. - Славянская ассоциация Онтопсихологии, 1997. - 592с.
4. Менегетти А. Образ и бессознательное: Учебное пособие по интерпретации образов и сновидений / Пер. с итал. - М.: ННБФ «Онтопсихология», 2000. - 448с.
5. Обухов Я.Л. Символдрама и современный психоанализ. Сборник статей. - Харьков: Регион-информ, 1999. - 252с.
6. Buck J. House-Tree-Person drawing technique / Contribution toward Medical Psychology. - N.-Y., 1953.
7. Corboz R.J. Le dessin des trois arbres. Lisboa Clinica Portuguesa XXI, 1963. - 349p.
8. Martelli M.L., Zavettieri F. Il Test del Sei Disegni di Antonio Meneghetti: Tecnica Diagnostica. - Roma, 1997. - 106p.

Надійшла до редакції 11.10.2000 г.

Т.П.Параняню

Разработка критериев оценки отношений «преступник-среда-жертва»

У статті аналізуються взаємовідносини між поняттями "злочинець, середовище, жертва". Робиться наголос на діалектичність прояву цих понять в практиці співробітників органів внутрішніх справ. Результатом аналізу є критерії оцінки досліджуваних процесів.

Научно обоснованная природа отношений между жертвой, средой и преступником возможна только в том случае, когда все много-

образие такого рода поведения будет упорядочено в некотором пространстве событий. Установление статистического накопления происшедших событий позволяет выделить конкретные их классы, установить логическую связь между ними, а в последующем аналитическую зависимость обусловленных отношений. Сегодня проведение расследования любого из преступных деяний при всей теоретической подготовке оперативно-розыскного состава остается искусством, которое доступно во всем его совершенстве незначительному числу лиц.

Первым этапом решения поставленной задачи является установление пространств событий. Так как речь идет об отношении двух сторон, одна из которых выступает жертвой, а другая - посягателем, то целесообразно представить рассматриваемые отношения по степени их проявления.

Прежде всего, жертва в широком понимании может представлять отдельное лицо, группу лиц или социальный слой, целое государство или их коалицию. Следовательно, можно говорить о величине жертвы: в это понятие входит как число жертв, так и сила нанесенного ущерба или урона. Данная проблема имеет многовековую историю и находила своё выражение чисто в эмпирическом представлении с четкой социальной ориентацией определения оценки ущерба.

Неразрешенность её и сегодня составляет существенную трудность в классификации и оценке значимости совершенного преступления.

Наиболее точное измерение нанесенного ущерба можно достичь при оценке материальной составляющей. Однако в подавляющем большинстве случаев совершенных преступлений необходимо говорить о моральном и физическом ущербе. В характеристике физического ущерба и его измерения оценка ведется по заключению медицинской экспертизы. Последняя имеет весьма неопределенную шкалу от легких или незначительных телесных повреждений до тяжелых повреждений, увечий, которые могут принести потерю трудоспособности, и максимальным физическим ущербом является убийство.

В оценке морального ущерба наблюдается еще большая неопределенность, так как в этом случае существенную роль приобретает социальное положение пострадавшего. Естественно и здесь существует определенная оценка ущерба, которая измеряется от оскорбления до подрыва авторитета и потери уважения в обществе. Чем более высоко занимаемое социальное положение потерпевшего и значимость окружения, которому известно содержание

морального ущерба, тем его величина становится большим.

Из приведенного видно, что каждая из составляющих обобщенного понятия «ущерб» сама является известным обобщением целого ряда его составляющих характеристик. В свою очередь обобщенные в понятия физический, материальный и моральный ущербы эти характеристики имеют различные единицы измерения и общий ущерб должен иметь размерность входящих критериев, т.е. отражать отношение трех показателей (моральное-физическое-материальное), либо измеряться в некоторых относительных величинах – процентах или долях единицы не имеющих абсолютных единиц измерения. Эта проблема представляет самостоятельное научное направление и является существенной трудностью во многих отраслях знаний. Естественно, не ставя задачу ее разрешения, в проводимых исследованиях при необходимости упорядочивания эмпирического материала будут использованы имеющиеся достижения в этом вопросе, которые позволяют получить необходимые обобщения в виктимологических исследованиях.

Психологические основы построения меры исходят из сравнений предшествующего опыта с текущим, при этом в полном диапазоне накопленных представлений о чем-либо выстраивается ряд от минимально различимого проявления до предельно наблюдаемого. В этом интервале и измеряется с установленным шагом или масштабом (единицей меры) значимость происшедшего $[X_i]$. Используя этот подход будем полагать, что такой диапазон имеется по всем шкалам измерения, т.е. вне зависимости от наименования единиц он составляет $[\max-\min]$. В свою очередь текущее происшествие может находиться в любом участке этого промежутка включая и граничные значения, т.е. его можно представить как часть от $\max$ события как $[\max-X_i]$. Тогда происшедшее можно представить как $[\max-X_i]/[\max-\min]$. Такой подход имеет глубокое теоретическое обоснование и позволяет в построении общих подходов и положений развития того или иного явления избежать частных случаев, когда границы $\max$ и $\min$ не совпадают как и сам диапазон этих границ.

Возвращаясь к вопросу оценки ущерба, нанесенного жертве, следует дать характеристику ущерба, которая позволит отнести его к конкретной категории как по качественному проявлению, так и по количественному показателю.

Любое посягательство и нанесенный ущерб могут быть представлены и имеют отмеченные составляющие: физический (Ф), материальный (М) и моральный (М*) ущербы, что и позволя-

ет построить общее пространство событий, в котором характеризовать любое из происшедших посягательств и ущерба нанесенного жертве.

В данном представлении объем общего ущерба будет измеряться вектором, который на каждой из осей имеет свои проекции, выступающие его образующими. Поскольку обобщенный ущерб является диагональю объема $F \times M \times M^*$, то практически она и может использоваться для количественного соизмерения обобщенного ущерба.

Следует заметить, что обобщенный ущерб, будучи представлен в виде произведения трех характеристик, может оставаться одним и тем же при вариации составляющих компонентов. Фактически в избранном пространстве событий существует целая эквипотенциальная плоскость, под которой вписанный объем остается одинаковым. Такой подход позволяет, прежде всего, решать вопрос о соизмеримости нанесенного ущерба и обеспечения компенсации жертве, если таковая будет осуществляться, кроме этого можно более объективно говорить о тяжести совершенного преступления. С учетом социальной значимости жертвы оценивается ее моральный урон, аналогично можно говорить о экономическом и физическом уронах, где учитывается не абсолютная характеристика, а что она представляет к целой части от максимально возможного урона по данной характеристики.

Во всех суждениях о происшедшем, его оценке, составлении статистических данных, вынесении решения о происшедшем, как для компенсации ущерба потерпевшей стороне, так и наказания преступной стороны, существует неизбежная неточность, которая имеет вполне обоснованный характер. Правильность понимания принятого решения крайне важна для пострадавшего, совершившего преступление и окружающих или общественности. В данном случае суждения, будучи субъективной оценкой, основываются на реальной значимости приобретенного опыта. Следовательно, как и в предыдущем случае, можно говорить о некотором пространстве, в котором осуществляется оценка происшедшего события. Максимальное правдоподобие оценки будет в том случае, когда реальная значимость совпадает с индивидуальным представлением и статистическим опытом общественного суждения. В силу динамики всех трех характеристик действительная оценка всегда остается отличающейся для каждого, кто ее осуществляет.

Во всех случаях можно говорить о величине ошибки каждой из сторон по мере ее отклонения от реальной значимости происшедшего. В каждом конкретном случае можно говорить

о переоценке и недооценке происшедшего, что позволяет говорить о вариативности суждения. Чем вариативность суждения более широкая по отношению к одному и тому же событию, тем с большей уверенностью можно утверждать о неверности принимаемого решения, что может быть показателем объективности используемой оценки. Именно эта задача крайне важна в практической деятельности, когда от принятия решения существенно зависит дальнейший ход складывающихся событий. В данном случае необходимо всегда иметь в виду, что на искажение результатов оценки могут влиять эмоциональное состояние, личная заинтересованность, неадекватность ранее приобретенного опыта. Все это в целом может сдвигать искажения в одну или другую сторону. Поэтому, следует отметить, что в силу многокомпонентности общего конечного результата, вполне допустима их взаимная компенсация, что создает дополнительную сложность в суждении по отдельным фактам и требует их достаточного накопления, что и определяет профессиональный опыт. Таким образом, в оценку всегда необходимо вводить диапазон вариативности, среднюю статистическую характеристику и симметричность вариации отклонений. Введенный метод оценки позволяет говорить о возможной структуризации событий и построения упорядоченных классификаций.

Приведенные оценки позволяют классифицировать «что» произошло, т.к. это наиболее сложное звено в классификации происшедшего для правильного накопления статистической информации и установления виктимологической структуры общества. Именно правильность суждения, основанного на предшествующем опыте, определяет эффективность логики построения следственной деятельности и экспертных оценок. Вариативность суждения носит ряд причин. Как отмечено выше, у одного и того же лица оно зависит от его заинтересованности, адекватности опыта и эмоционального состояния. Все эти характеристики имеют различные диапазоны вариаций у разных лиц. Для соизмеримости этих показателей выше была введена мера, благодаря которой величины отношений выражаются либо в долях единицы, либо в процентах. Кроме этого необходимо учитывать, что все используемые характеристики, которые применяются в классификации рассматриваемых процессов или явлений, носят дихотомический характер своего проявления. Именно это положение определяет наличие диапазона их действия. С психологической стороны организации поведения дихотомичность процесса предполагает наличие различных способов разрешимости наблюдаемого процесса и соответствующих

стереотипов поведения. Нервные центры, определяющие динамику стереотипизации деятельности могут находиться как в поспенной, так и в одновременной активности. Если в первом случае можно говорить о частоте смены побуждающих к деятельности факторов, то во втором случае – о степени напряжения в принятии решения. Понимание этих положений особенно важно для представления построения логики поиска решения и причин возможных следственных ошибок.

Таким образом, составляя какое-либо суждение, необходимо иметь в виду, что на его результат влияет диапазон вариации представлений или опыта, текущее состояние и направленность интересов.

При предположении о нормальной плотности распределения всех характеристик встречающегося результата достижения цели наиболее результативный составляет менее одного процента. Именно опыт этого числа лиц и представляет особую ценность в обеспечении высокой эффективности профессиональной деятельности, что и должно лежать в основе построения экспертных систем и моделирующих процессов для поддержания принятия решения. В отличие от поведения человека в основу моделирующих систем вводится только логика их действий, которая привела к успешному достижению цели.

При изучении потерпевшего и анализе его роли на происшедшее необходимо оценивать эвентуальность жертвы. В оценку этой характеристики входят как индивидуальная predisposition, так и средовое соответствие. Эти две характеристики, как было отмечено ранее, являются дихотомическими. Если говорить о средовой составляющей, то среда способствующая совершению преступления или высокой виктимности может быть определена как $P_c = 1$, когда можно говорить о стопроцентной благоприятности для совершения преступления. Обратным ей будут условия абсолютной защищенности, которую можно определить как $W_c = 1$. Следовательно, во всем диапазоне социальных условий, которые представляют ось социальных условий, любая точка как конечный результат может характеризоваться как $W_c + P_c = 1$.

Следует отметить, что в понятие социальная защищенность вкладывается обобщенное содержание, в котором одновременно учитывается физическая, материальная и моральная защищенность.

Если говорить о личностной эвентуальности жертвы или ее индивидуальной виктимности, то можно аналогично говорить о потенциальной жертве с абсолютной доступностью, привлекательностью и раскрытостью, что можно обозначить как $P_i = 1$, и противопо-

ложную ей – недоступную, скрытую и не привлекательную (отталкивающую), что можно обозначить как $W_i = 1$. В этом случае весь диапазон индивидуальной виктимности представляет ось индивидуальных условий, а любая точка как конечный результат может характеризоваться как $W_i + P_i = 1$.

В силу независимости каждой из характеристик, они порождают полное пространство событий, в котором характеризуется каждая конкретная личность, находящаяся в соответствующих средовых условиях. Это позволяет получить систему оценки, необходимую для составления виктимологической топографии контролируемого пространства.

Естественно, что одинаковая степень защищенности как конечный результат во всех случаях является одновременным отражением двух характеристик, а именно уровня социальной и индивидуальной защищенности. Этот факт указывает на необходимость детализации понятия защищенности жертвы.

Второй особенностью жертвы, которую необходимо учитывать в структуре виктимологического анализа, является ее классификация на реальную и ложную, а также на явную и скрытую. Каждая из этих характеристик является ортогонально дихотомическими, что дает возможность построить систему координат, представляющую классификацию жертв по данным характеристикам.

Как и в предшествующем случае следует иметь в виду, что плотность распределения событий в данном пространстве имеет «нормальный» закон. Кроме того, при этом требуется введение еще одной из характеристик жертвы. Речь идет о степени ее активности в своем поведении при совершении по отношению к ней преступления. Эта характеристика охватывает диапазон от максимальной активности до полностью пассивного поведения либо покорности. При этом необходимо учитывать саму степень отношения жертвы к содеянному преступлению.

Этот диапазон характеристики охватывает поведение от способствующего преступлению (провоцирующее его совершение) до максимально препятствующего (активно противодействующее), последнее может характеризоваться от борьбы до бегства, но в данном случае это активное упреждение. Таким образом, вновь представляется возможность на основании двух независимых шкал построить систему координат для характеристики жертвы по избранным параметрам.

В различных вариантах отношения данных параметров возможен как успех, так и неудачи, поэтому очень важно установить какие именно формы поведения и в каких случаях дают положительный или отрицательный ре-

зультат. Для этой цели необходимо не только говорить о качественной направленности поведения, а и о составных компонентах такого поведения, т.е. что именно делал или в чем проявлялась пассивная или активная форма поведения и дала она при этом положительный или отрицательный результат. Одна и та же форма поведения дает различный результат в зависимости от того где и когда она принимается, против кого и с какой силой. Более того, возможен вариант смены форм поведения, что обеспечивает гораздо более высокий эффект противодействия. Однако одновременный учет всех факторов с учетом времени и силы их проявления не представляется возможным, поэтому, составляя последовательную цепь усложнения отношения «активное-пассивное», поведение можно представить как некоторую смену удачно выбранного поведения.

Существенной проблемой в виктимологических исследованиях является вопрос осознанности поведения при выборе своих действий со стороны жертвы. Однако, сложность вербального отражения этой зависимости не позволяет с полной глубиной охватить все разнообразие ее проявления, что и не дало возможности до настоящего времени установить необходимых закономерностей. В силу того, что различимость понимания жертвой развития возможного преступления существенно зависит от осознанности осуществляемого преступления его исполнителем, умения остаться за границами различимости готовящегося посягательства со стороны жертвы. Эту зависимость следует отражать в пространстве событий «осознанность действий жертвы – осознанность действий преступника».

Поведение жертвы существенно зависит от того, в какой мере она осознает либо не осознает происходящее, что составляет полный диапазон возможного отношения с ее стороны к происходящему. В свою очередь происходящее посягательство и осознанность всех его последствий существенно определяет выбор поведения преступника. Следовательно, и в этом случае необходимо говорить о некотором диапазоне осознанности поведения второй стороной. В целом, как и в предыдущих случаях, необходимо построить пространство событий из двух дихотомических осей. Одна из них отражает преступную сторону в выборе ее действий, а другая, вне зависимости от первой, характеризует выбор действий жертвы. Уровень их противостояния будет во многом зависеть от степени превосходства в сложности и уровне понимания происходящего каждой из сторон.

Такое представление зависимостей данного рода позволяет более правильно учитывать

степень виновности посягателя при одинаковом исходном результате по отношению к жертве. В свою очередь, возможно оценить степень виктимизации среды при осознанном понимании преступной деятельности со стороны жертвы, при ее пассивном соглашательском поведении. В данном случае часть вины ложится и на саму жертву, как на сторону осознающую, что может произойти, но не предпринимающую активного противодействия.

В таких случаях сама жертва может быть виновная в происшедшем, либо носить абсолютно безвинный характер. Прощающая безвинная жертва представляет благоприятную почву для рецидива и увеличивает латентность соответствующего вида преступлений, которое обнаруживается, когда достигает явной очевидности. Не менее отрицательную роль несёт виновная непрощающая жертва, которая, будучи побуждающим или провоцирующим фактором содеянного, стремится полностью переложить вину на преступника, представляя себя как невинно пострадавшая. Успешная инсинуация приводит к судебной ошибке и наказанию невинного человека.

Для более глубокой классификации поведения жертвы основанном на ее отношении к содеянному («прощающей – непрощающей») и причастности к содеянному («невиновная – виновная») необходимо построить, как и во всех предыдущих случаях, координатную систему оценки, которая выполняет роль специализированного рецептора в качественной оценке потерпевшего.

В зависимости от поведения жертвы и умения доказать свою невиновность, при наличии таковой, возможно наблюдать до 6% судебной ошибки при вынесении приговора и еще 6%, которые покрывают преступное поведение своим прощением. Естественно, что для более высокой эффективности следственной деятельности в данной классификации жертв необходимо накопление и описание психологического портрета жертвы, что требует проведения специальных исследований в этом направлении.

Приведенные попарно выбранные дихотомические представления характеристик жертвы, на основании которых можно построить ортогональные системы координат, в своем сочетании могут иметь другие варианты, что намного усложняет построение единой классификации. В каждом попарном представлении вводится масштаб измерения признака, что в свою очередь создает проблему введения меры. Однако, данный вопрос устраняется введением обобщенной меры, в которой интервал от минимального проявления характеристики до предельно наблюдаемой принимается за

единицу, а масштаб зависит от необходимой точности разрешимости задачи. Наиболее грубая оценка события проводится по принципу «да – нет». Во всех случаях это является начальным шагом в формировании представления о случившемся. Чем глубже измерение характеризующих признаков, тем в большей степени возможны различимость и упреждение вероятного происшествия. Но этот процесс имеет свои ограничения, т.к. поведение 88% населения всегда несет в себе элементы возможной жертвы. Сложность составляет и тот факт, что каждая из выделенных характеристик в течении длительных практических наблюдений в виктимологических исследованиях не остаются постоянными, а частота и амплитуда их колебаний зависят от целого ряда факторов, которые не учитываются в приведенных видах систематизации контролируемых характеристик. Для этой цели необходимо вводить параметры «когда» и «сколько», а сам процесс анализа сводить к установлению аналитической зависимости между преступником, жертвой и средой, в которой эта зависимость осуществляется. Реализация этой задачи возможна только в многомерном пространстве, что не составляет особой сложности. Следовательно, основная задача заключается в установлении меры между элементами этого пространства, что позволит в последующем определить аналитическую зависимость, связывающую элементы этого пространства в целостную функциональную систему, в которой возможно вести полный учет и систематизацию по схеме: что, где, когда, кому, кто, как, почему, сколько.

Надійшла до редакції 11.10.2000 г.

В.В.Пундєв

Вопросы психологии взаимодействия учащегося и технических средств обучения иностранным языкам

Питання психології взаємодії того, хто навчається та технічних засобів навчання іноземним мовам.

Чи може проблема взаємодії того, хто навчається і технічних засобів навчання бути в колі проблем інженерної психології? Проблема взаємовідносин теоретичної психології та її застосування – одна з тих, що постійно обговорюється на кожному новому етапі історичного розвитку. Як сприймається і запам'ятовується інформація в певних функціональних станах людини, чи

може навчання бути причиною інформаційного стресу і чому, які існують результати проведених досліджень на ці теми, - ось перші питання, які постають перед психологами, вчителями, та тими хто навчається, які стикаються з технічними засобами навчання, - і це головні питання, які порушуються в даній статті.

Інженерна психологія розвивається вместе с технікой, поэтому в настоящее время она переживает период бурного накопления и упорядочения эмпирических данных, возникновения теорий и гипотез, а также расширения области использования установленных закономерностей. Взаимодействия человека с системами коммуникации и mass-media, компьютерами, видео- и аудиоманитофонами, автомобилями носит сейчас повсеместный характер, соответственно изменяются и предпочтения в направлениях исследований инженерной психологии и даже оттенки определений ее предмета. Если в недавнее время под системой «человек-машина» (СЧМ) понималась система, «...включающая человека-оператора (группу операторов) и машины, посредством которой осуществляется трудовая деятельность» [1, с. 6-7], что обуславливало решение специальных проблем с упором на анализ трудовой деятельности, принцип организации и охраны труда, профориентации и профотбора, с подавляющим большинством практических приложений к труду: «Другим способом неспецифического поддержания высокой работоспособности и снятия утомления или эмоциональной напряженности является применение разных типов стимуляторов или транквилизаторов...», - ежедневное столкновение с техникой не только на производстве побуждает новые научные искания, порождает новые проблемы и новую методологию.

Существует большое количество различных человеческой деятельности по видам и форме: материальная и духовная, внешняя и внутренняя, непосредственная и опосредованная, произвольная и непроизвольная, сознательная и бессознательная, индивидуальная и коллективная, репродуктивная и творческая деятельность; игровая, учебная, трудовая, спортивная; познавательная (перцептивная, мнемическая, умственная), исполнительная, коммуникативная и другие. Так инженерная психология должна и уже решает проблемы самых различных видов взаимодействий человека и техники. Б.Ф. Ломов отмечал: «Классическим объектом инженерной психологии является деятельность человека в системах контроля и управления (труд диспетчера, оператора у пульта управления и т.п.), точнее взаимодействия человека и машины в этих системах. Однако область ее исследований более

широка. Она охватывает все виды техники. Инженерно-психологические исследования необходимы всюду, где речь идет о создании тех или иных устройств, рассчитанных на восприятие, представление, мышление человека, на его действия. Вопросы инженерной психологии неизбежно возникают при разработке средств коммуникации, телевизионных систем, исследовательских приборов, при проектировании кинотеатров, заводских цехов, при оформлении автомобильных трасс и т.д.» [2, с. 25].

Таким образом заново ставится вопрос о том, в какой мере СЧМ действительно задает объектную область инженерной психологии. В работе [3] ставятся еще и такие вопросы к существующей концепции СЧМ:

1. Деятельность человека не вписана в систему как в объект, «СЧМ» актуально содержит только указание на принципиальное различие «человека» и «машины», тем самым порождается различное понимание деятельности в плане их онтологического единства или онтологического различия.

2. Большинство определений СЧМ есть не что иное, как указание на класс эмпирических объектов. Тем самым функцию объекта начинают выполнять эмпирические обобщения.

3. Понятия СЧМ становилось в процессе распространения проектной установки с чисто технических устройств, и на материале проектирования технических устройств эта установка была оторефлектирована на человеко-машинные системы, а не наоборот.

4. В основе объективных представлений системотехники лежит схема поточной (информационной) системы. В полной мере этому принципу удовлетворяют только стимульно-реактивные схемы поведения. Таким образом, содержание рассматриваемого понятия может быть безусловным только для того инженерно-психологического направления, которое сознательно ориентируются на бихевиоризм, а не на что другое.

5. Социальный аспект остается за пределами системотехнических представлений. Аспект человеческой деятельности выступает в такого рода моделях только косвенно, в неспецифической форме.

Для возможности рассмотрения системы с одной точки зрения и постановки проблемы ее оптимизации на роль гомогенизирующей субстанции была выдвинута информация: «Инженерная психология есть научная дисциплина изучающая закономерности процессов информационного взаимодействия человека и техники с целью использования их в практике проектирования, создания и эксплуатации СЧМ. Процессы информационного взаимодействия

человека и техники являются предметом инженерной психологии» [1, с. 7].

Кроме того, трактовка СЧМ как спецификация элементов системы с указанием на цель системы и неопределимым типом взаимодействия [4, и др.] предполагает распространение понятия действия на функционирование технической части системы, что противоречит содержанию психологического понятия действия, которое всегда соотносено с понятием цели [3, с. 162]. На основе этих вопросов системно-техническому подходу была противопоставлена трактовка функционирования машины и поведения человека в системе через деятельностные понятия и представления. Тут целостность объекта обеспечивается тем, что гомогенизирующим фактором в онтологическом плане становится не информация, а деятельность, машина же выполняет операциональную сторону акта деятельности и является его составляющей более низкого иерархического уровня [5].

В рамках такого подхода из общей проблематики изучения состояния человека выделяется термин «функциональное состояние», как определяющий характеристики эффективности стороны его деятельности в СЧМ. Работа с этим понятием направлена прежде всего на решение вопроса о способностях, возможностях, желаниях и т.д. человека, находящегося в том или ином состоянии, выполнять конкретный вид деятельности. Анализ проблем функциональных и психических состояний (изучение механизмов их регуляции с целью сохранения здоровья человека и повышения эффективности его деятельности), является одним из ведущих направлений теоретических и прикладных исследований в инженерной психологии. Актуальность этих проблем продолжает возрастать, о чем свидетельствует большое число работ этого плана, опубликованных в последние годы, особенно за рубежом.

Проблема управления состоянием обучающегося как части СЧМ возникла вскоре после появления и внедрения технических средств обучения в педагогическую практику. Актуализировалась она также в связи с действием факторов монотонии и утомления, необходимостью постоянно сохранять высокую активность учащегося как оператора обучающей системы. Особое значение проблема регуляции состояния человека – оператора приобретает в процессе адаптации к машине, в экстремальных условиях деятельности, т.е. в условиях, для деятельности в которых у человека не сформировались необходимые функциональные состояния и требуется время для их адаптации и реорганизации, а крайним вариантом

реакции на экстремальные условия деятельности является дезорганизация деятельности.

Проблема функционального состояния является достаточно запутанной, так как исследования по проблеме регуляции состояний до сих пор носят больше эмпирический характер, и так как психофизиологические механизмы, лежащие в основе регуляторных воздействий изучены еще недостаточно, а применяющиеся управляющие воздействия на психические состояния имеют нередко различную, часто непрогнозируемую эффективность. В то же время практические задачи, включая повышение качества обучения и создания новых технических средств, программ обучения, настоятельно требуют поиска конструктивных решений проблем анализа, оценки и управления функциональным состоянием человека.

Яснее всего сказываются на характеристиках деятельности и поэтому выделено в основном две группы психологических функциональных состояний: стресс (напряженность) и утомление с выделением эмоциональных состояний, но обычно в виде состояний эмоциональной напряженности. Чаще всего взаимодействие с техникой носит длительный характер, обучение иностранному языку с помощью технических средств длится не менее месяца. Естественными же движениями системы во времени и множестве состояний является ритмика, собственная или внесенная извне. Она рассматривается как во времени, так и в срезах состояний, по характеру движения; как связанные с деятельностью, так и ритмы бодрствования, годовые и т.п.

Управляющие воздействия дифференцируют, по тому, какими регулируемыми и активизируемыми системами они реализуются, на специфические, неспецифические, когнитивно-мотивационные и др. Процессы неспецифической и специфической активизации воздействуют на функциональное состояние или порождают его произвольным путем, процессы психической волевой саморегуляции изменяют функциональное состояние сознательной координацией компонентов деятельности. Воздействие на системы неспецифической активации определяется поступающими стимулами, воздействующими на механизмы ориентировочной реакции и является произвольной настройкой на работу всей системы. Примером такого целенаправленного воздействия на функциональное состояние является рефлексологический метод. Психофизиологическими эффектами строго определенных воздействий – игло, термально, электро, лазерных – становятся улучшения результатов выполнения тестов по объему, точности и устойчивости внимания, темпу сенсомоторных реакций,

увеличения возбудимости и лабильности функций зрительного анализатора [6].

Определенные психические состояния обучающегося языку были исследованы разработчиками методов интенсивного обучения иностранным языкам (ИЯ). Здесь нужно отметить, что это происходило на основе существующих методологических принципов, понятийной и теоретической базы не инженерной или когнитивной, а педагогической психологии. Многие интенсивные методики были основаны на различных решениях вопроса определения и формирования оптимальных для обучения состояний высшей нервной деятельности. Этими состояниями «... оказались гипнотические фазы, представляющие переходные стадии от активного бодрствования ко сну. По всей вероятности, решающее значение здесь имеют парадоксальные реакции, позволяющие на слабые раздражители, каковыми являются поступающие в мозг сигналы, дать мощный ответ нервных клеток в виде образования новых условно-рефлекторных связей» [7, с.162], или, наоборот, эмоциональная возбужденность и полная активация сознания.

Одним из ярких примеров управления состоянием обучаемых является релаксопедия, сущность которой заключается в выработке состояния психологического покоя и физического расслабления, тяжести и теплоты правой руки и его использования для введения и запоминания информации. «С помощью 4-х элементной психорегулирующей тренировки достигается состояние организма, которое обеспечивает легкость и прочность запоминания иностранных единиц, а также сокращает сроки запоминания» [8, с. 72]. При кибернетическом интегральном методе ускоренного обучения осуществляется управление психофизиологическим состоянием обучающегося с его коррекцией по цепям обратной связи, и основной акцент делается на суггестивные и субсенсорные механизмы усвоения и воспроизведения информации. «Основной процесс обучения осуществляется одними техническими средствами, без преподавателя». Управление состояния по этой методике осуществляется с помощью записанных различных суггестивных формул, проигрываемых над и под уровнем сенсорного восприятия, навязыванием оптимальных биоритмов звуковыми сигналами, которые сначала воспроизводятся в ритме биопроцессов обучающегося. Корректировку состояния производят методом электростимуляции электрически активных точек на теле обучающегося, контролем датчиком идеомоторных реакций, прерывающими программу обучения тестами, а также путем регистраций ЭЭГ, дыхания. Сами средства языка – это аудио, видео, закодированные и т.д. 10-15 парал-

лельных многоплановых сигналов: зрительный текст, параллельный перевод, речевые сигналы, символические визуальные сигналы и др. «При этом словарь в виде визуальных сигналов воспроизводится в ритме основной частоты электроэнцефалограммы обучающегося (10Гц), что соответствует темпу 3000 слов за 5 минут, тот же словарь в ритме пульса со скоростью 70-80 слов в минуту воспроизводится за 40-50 минут [9, с. 115]. «Последняя модификация курса показала, что за 10-12 дней обучающиеся усваивают курс иностранного языка в среднем, с лексическим запасом 3000 – 4000 слов» [9, с. 120].

Как и почему происходит такое запоминание? Какие процессы и как содействуют? Метод обучения должен опираться не просто на все возможные исследования, а быть на основе единой теоретической концепции.

Ритмопедия разрабатывалась более детально, да и воздействующий фактор был один – ритм, но опять таки, без основы на модели памяти и достижения когнитивной психологии. Ритмостимуляция понимается авторами как «комплексное воздействие на зрительный и слуховой анализаторы слабыми низкочастотными ритмическими раздражителями, которые суммируясь в подкорковых образованиях мозга, навязывают организму ритм, соответствующий фазовым состояниям. Последние являются той почвой, на которой легко формируется и удерживается так называемая доминанта, т.е. очаг устойчивого возбуждения, пропускающий весь поток информации, воспринимаемый мозгом» [7].

Однако, вопреки распространенному мнению как у нас, так и за рубежом, что: «Нет опасности заполнить вашу память, чем больше вы запоминаете, тем легче вам будет запомнить новое» (Р. Russell, а также и др.), - существует опасность расстроить память большим количеством информации. Кроме того, в своих исследованиях мы показали, что у обучающихся языку с опорой на неосознаваемые процессы развивается высокая тревожность как первая стадия стресса. С позиции теории свернутых (симультаных) действий мы попытались дать этому теоретичное объяснение в [10]. Интересно также отметить, что сами стрессовые состояния могут быть причиной активизации памяти (Р.Ю. Ильюченко, Л.А. Китаев-Смык). Это означает, что определение успешности обучения не сводится к подсчету усвоенных единиц языка, а является учетом всей деятельности обучаемого с использованием ИЯ.

Исследованиями восприятия и актуализации ритма сейчас, в основном, занимается, как ни странно, психология искусства, в частности, музыкального творчества. Их результаты

вполне приложимы к словам как ритмическим формулам: определенные (3:1, 4:1) ритмы запоминаются и воспроизводятся лучше, существуют определенные схемы организации аудиоструктур в памяти, организующие метрические мозговые структуры активизируют механизмы внимания и памяти на похожие ритмы [11, с. 1-6]. В связи с этим можно высказать предположение, что кроме иерархических семантических многоуровневых структур памяти (И.Е. Высоков и др.) существуют темпоральные, первичные к ним. Косвенно это подтверждают опыты М. Эверсон (M. Everson): «Кажется, что обучающиеся CFL (китайскому языку, как иностранному – В.П.) для запоминания иероглифов используют стратегии, связанные каким-то образом возможностью их проговорить», (а не только знать их значение) [12, с. 200]. То есть различного написания иероглифы с похожими значениями (вода, пить, море,...) воспроизводятся лучше, если знать как они проговариваются. Этот эффект проявляется на поздних стадиях обучения, то есть когда общая структура понятий и знаков языка находятся во взаимосвязях со звуковым строем языка.

Так при создании ритмоледического курса изучения ИЯ необходимо учитывать и звуковой строй слова, предложения, текста. Ритмика структур языка должна совпадать с ритмикой внутренних структур, а значит и с навязываемым ритмом. Эта установка отличается от положений [7], где ритм слов не учитывается, а частота внешнего ритма со временем снижается для достижения определенного психофизиологического состояния.

Вариант ритмоледического курса ИЯ с учетом состояния обучаемого в системе «человек-машина» был разработан автором и показал высокую результативность по многим параметрам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы инженерной психологии: Учеб. для техн. вузов / Б.А. Душков, Б.Ф. Ломов, В.Ф. Рубакин и др. – М.: Высш. шк., 1986. – 448с.
2. Хрестоматия по инженерной психологии / Сост.: Б.А. Душков, Б.Ф. Ломов, Б.А. Смирнов. – М.: Высш. шк., 1991. – 287с.
3. Инженерная психология: Дисциплинарная организация и концептуальный строй / А.А. Пископель, Г.Г. Вучетич, С.К. Сергиенко, Л.П. Щедровицкий. – М.: ИД «Касталь», 1994. – 216с.
4. Система «человек – машина» - Советский энциклопедический словарь. – М., 1980. – С.1226.
5. Щедровицкий Г.П. Модели и моделирование в проектировании систем «человек – машина» // Вопросы методологии – 1991. – №4. – С. 70-79.
6. Карпухина А.М. Регуляция ПФС человека стимуляцией БАТ как метод повышения эффективности деятельности // Психологическое состояние человека и информативность биологических активных точек кожи: Тез. докл. научн. конф. – К. – 1979. – С. 122-130.
7. Из опыта применения ритмопедии для интенсификации процесса обучения иностранным языкам / Г.М. Бурденюк, Я.И. Маркман, Л.Я. Рабичев и др. // Методы интенсивного обучения иностранным языкам. – 1977. – Вып.3. – С. 162-168.
8. Глейхман Л.К. Релаксопедия как средство активного усвоения иноязычного материала // Методы интенсивного обучения иностранным языкам. – 1977. – Вып.4 – С. 72-79.
9. Петрусинский В.В. Суггестокрибернетический интегральный метод ускоренного обучения // Методы интенсивного обучения иностранным языкам. – 1977. – Вып.3. – С. 111-121.
10. Пундев В.В. Некоторые аспекты психологии интенсивного обучения взрослых иностранному языку // Наука і освіта. – 2000. – №4. – С. 66-69.
11. Keller P. The role of metric frameworks in the processing and representation of musical rtrythm // Symposium within the Fourth Conf. of the Australasian Cogn. Science Society: It's about time. – 1997. – P. 1-7.
12. Everson M.E. Word recognition among learners of Chinese as a foreing language: Investigating the relationship between naming and knowing // The modern language journal. - Vol. 82, №2. – 1998. – P. 190-204.

Надійшла до редакції 16.10.2000 г.

В.П.Садковой

Психофизиологическая характеристика труда пожарных

У статті наводиться психофізіологічна характеристика умов праці пожежних. Додається аналіз травматизму та загибелі пожежних в Україні та в Росії. Робиться висновок о необхідності вдосконалення адаптації пожежних до умов професійної діяльності, професійного психологічного відбору у підрозділи державної пожежної охорони.

Профессия пожарного по степени опасности и вредности занимает одно из первых мест

среди прочих профессий. Тушение пожаров и ликвидация последствий аварий пожарными осуществляется в сложных условиях, представляющих угрозу для жизни и здоровья. Боевая служба пожарного протекает в постоянно меняющейся обстановке, поэтому пожарный должен распределить внимание так, чтобы держать в поле зрения все важные элементы ситуации с целью предупреждения травм и предотвращения гибели. Комплекс воздействующих неблагоприятных физических, химических и биологических факторов окружающей среды в сочетании с такими сильными психогенными раздражителями, как переживание угрозы здоровью и жизни, вид погибших, обгоревших и травмированных на пожаре людей, дефицит информации и времени на обдумывание и принятие адекватного решения, высокая ответственность за выполнение боевой задачи, наличие неожиданных, внезапно возникающих препятствий и т.д. способны вызвать у пожарных сильный эмоциональный стресс. Кроме того, работа пожарных характеризуется постоянной боевой готовностью в непредсказуемом режиме ожидания экстремальных ситуаций, которая сочетается монотонией, развивающейся во время классных занятий, с физическими нагрузками, испытываемыми во время практических занятий и хозяйственных работ.

Одновременно с нервно-психическим напряжением пожарные подвергаются значительным физическим нагрузкам, вызванных высоким темпом работы при эвакуации пострадавших, разборкой конструкций и оборудования, прокладкой рукавных линий, работой с пожарно-техническим вооружением, эвакуацией материальных ценностей и т.д. В этих условиях пожарные работают в боевой одежде и снаряжении, включая средства индивидуальной защиты, вес которого достигает более 35 кг, что может существенно снижать производительность труда. В таком снаряжении пожарные поднимаются на верхние этажи зданий по штурмовой и выдвижной лестницам, работают в непривычных позах (лежа, ползком) в условиях ограниченного пространства. Применение изолирующих противогазов в непригодной для дыхания среде ограничивает в свою очередь подвижность и обзорность.

Экспериментально доказано резкое ухудшение показателей, характеризующих функциональное состояние организма пожарных, при массе индивидуального снаряжения 18-22 кг; снаряжение должно составлять менее 30 % от собственной массы пожарного. Также известно, что через 30 мин нахождения пожарного в защитном снаряжении массой 25 кг при температуре 45 градусов ЧСС составляла 170

уд/мин, т.е. без других физических нагрузок достигает критического значения.

Пожарные работают в условиях загрязнения атмосферы токсичными продуктами горения. Прогнозирование токсического эффекта многокомпонентных смесей, какими являются летучие продукты горения, затруднено, хотя показано, что для пожарных наибольшую опасность отравления представляют, в первую очередь, CO, CO₂, цианистый водород, хлористый водород, оксиды азота. Поэтому особенно опасны работы по тушению пожаров, с учетом недостаточности оснащения пожарных средствами защиты органов дыхания.

В зоне пожара наблюдается высокая плотность дыма, ограничивающая видимость и действия личного состава. Средняя концентрация аэрозольных частиц в ограниченных пространствах составляет 22 мг/м³, а в 15% случаев - более 100 мг/м³ (допустимый уровень содержания нетоксичной пыли для рабочей зоны промышленных предприятий - не более 20 мг/м³). Загрязнение атмосферы в зоне пожара токсичными аэрозолями может привести к нарушению у пожарных функции дыхания.

Тушение пожаров происходит, как правило, при высокой температуре окружающей среды и повышенной влажности воздуха. При повышении температуры тела до 40°C и более может наступить тепловой удар, сопровождающийся появлением судорог, галлюцинаций, потерей сознания.

Уровни шума на пожаре колеблются от 76 до 130 дБ. Шум высокой интенсивности угнетает психику, затрудняет ориентировку в пространстве, прохождению команд, речевой обмен и способствует понижению остроты слуха. При высоком уровне шума действия пожарного приобретают характер автоматических, вызывается ощущение вибрации внутренних органов, диафрагмы и при величине шума свыше 140 дБ человек может погибнуть.

Кроме перечисленных на пожарного в боевой обстановке действует еще целый ряд факторов, вызывающих нервно-психическое напряжение. Наиболее значимыми среди них являются опасность, содержащая угрозу жизни, ответственность за решение боевой задачи, дефицит времени на принятие решений и выполнение действий, наличие неожиданных, внезапно возникающих препятствий, осложняющих выполнение боевой задачи и т.д.

Для пожарного характерной является работа в режиме ожидания. Находясь постоянно в состоянии оперативного покоя, работник пожарной охраны должен сохранять готовность к экстремным действиям. В работе Самонова А.П. показано, что у некоторых пожарных волнение, вызванное ожиданием пожара, мо-

жет сопровождаться реакцией, превосходящей реакцию возникающую в период боевых действий.

Неучтенным стрессогенным фактором в работе пожарных, приводящим к возникновению состояния эмоциональной напряженности, является сигнал тревоги. Известно, что в первые 25-30с после подъема по тревоге частота сердечных сокращений повышается в среднем на 47 ударов в минуту, а по прибытию к месту пожара пульс может достигать 150 ударов в минуту. Подчеркнем, что пожарный не может выполнить работу, если при её выполнении частота сердцебиений через 5 мин. достигает 180 ударов в минуту и более.

Воздействие экстремальных факторов на людей вызывает не только физические повреждения, но и психогенные реакции, отражающие развитие состояний психической дезадаптации. Основными причинами стресса для пожарных являются риск для здоровья и жизни, присутствие при крупных повреждениях зданий и предметов, а также спасение людей, уход за пострадавшими.

Выделена особая диагностическая категория - посттравматические стрессовые расстройства (PTSD). В явном виде они могут проявиться уже через незначительное время после окончания стрессогенного воздействия. Эти расстройства определяются как состояния, формирующиеся в результате переживания человеком психотравмирующих событий. Основные и наиболее характерные симптомы PTSD: навязчивые воспоминания и переживания травмирующего события; избегание всего, что может напомнить об экстремальности; сверхчувствительность; нарушение сна; сверхвозбудимость.

Дополнительным подтверждением вывода о посттравматическом стрессовом расстройстве могут служить признаки, которые отсутствовали до получения травмы: повышенная возбудимость; бессонница; чувство вины; ослабленная память; пониженная способность концентрировать внимание; стремление уклониться от деятельности, которая напоминает о травме.

Изложенное неизбежно приводит к выводу о том, что повышение эффективности деятельности пожарной охраны немыслимо без серьезного отношения к охране и условиям труда самих пожарных, постановки теоретических и практических задач, решение которых направлено на достижение высокого уровня работоспособности, сохранение здоровья каждого человека.

Выборочные психофизиологические исследования пожарных крупных городов России показали, что у 40% пожарных в процессе дежурства значительно снижается работо-

способность, у 25% отклонения кровяного давления выходят за пределы нормы, у многих отмечается неблагоприятная динамика сердечно-сосудистой деятельности, что является показателем выраженного утомления личного состава, у 85% обследованных выявлена повышенная нервно-психическая напряженность, у 20-25 % после 2-3 и более непрерывных дежурств в карауле наблюдалось состояние психической дезадаптации, которое квалифицируется как пограничное состояние или состояние предзаболевания.

После суточного дежурства у 100% пожарных появляется сильная физическая усталость, раздражительность, у 86% - отмечается ощущение постоянной головной боли, у 43% - ухудшается координация движений.

Во многих гарнизонах пожарной охраны численность боевых расчетов подразделений ГПС составляет 3-4 чел. вместо 7-9 по штату, что приводит к перегрузкам личного состава, вынужденным нарушениям требований техники безопасности, следствием чего часто являются травмы и гибель пожарных.

При существующем режиме работы постоянно возрастают нагрузки физического и нервно-психического характера, что отрицательно влияет на показатели заболеваемости личного состава.

Анализ общей заболеваемости с временной утратой трудоспособности личного состава гарнизонов пожарной охраны показал, что пожарные чаще болеют респираторными заболеваниями, нарушением функций костно-мышечной системы, желудочно-кишечного тракта, высок процент травм и отравлений на службе и в быту. Заболеваемость пожарных тесно связана с общей продолжительностью работы на пожарах, стажем работы, возрастом, удовлетворенностью труда, режимом труда и отдыха, состоянием психологического климата в коллективе, мотивами поступления на службу.

Очень высокий уровень заболеваемости, ее структура и значительный процент увольняемых по болезни являются следствием тяжелых условий труда, неблагоприятного режима труда и отдыха, психологического климата в подразделениях, отсутствие санитарно-гигиенических условий быта в карауле.

Приведенный анализ свидетельствует о нарастающем влиянии неблагоприятных факторов условий труда и быта на состояние здоровья пожарных, о явной недостаточности их социальной защищенности.

Углубленное исследование условий труда личного состава подразделений Государственной пожарной службы по охране городов России, объектов атомной энергетики, показало, что после работы на пожарах у личного состава

ва работоспособность снижается на 76 %. Работа на пожарах по существующей классификации соответствует 5 и 6 категориям тяжести труда, при которых имеется высокая вероятность формирования выраженных негативных реакций организма. Эти реакции могут иметь необратимый характер и выражаться в тяжелых нарушениях жизненно важных функций организма.

В России в среднем за один год погибает 35-45 сотрудников, в Украине 10 – 1994 г., 10 – 1995г., 2 – 1996г. 9 – 1997г., 5 – 1998 г. соответственно, причем умершие через 7 дней после получения травмы в это число не входят. Ежегодно на Украине травмируется (пожарных) :

- при ликвидации пожаров и аварий: 1994г.- 67, 1995г.- 42; 1996г.-59; 1997г.-32, 1998г.- 20;
- при несении караульной службы и выполнении служебных обязанностей: 1994г.- 26, 1995г.- 32; 1996г.-32; 1997г.-32, 1998г.- 20;
- при проведении занятий, учений, спортивных мероприятий: 1994г.- 16, 1995г.- 24; 1996г.-22; 1997г.-16, 1998г.- 5;
- при дорожно-транспортных происшествиях: 1994г.- 12, 1995г.- 20; 1996г.- 19; 1997г.- 12, 1998г.- 11.

Известно, что в 80% случаев травмы, заболевания, различные чрезвычайные происшествия, связаны с поведением человека, что обусловлено его личностными особенностями, переутомлением, чрезмерной нервно-психической напряженностью, несоответствием психофизиологического состояния сотрудника условиям службы.

Признание ведущей роли личностных факторов в обеспечении эффективной деятельности и безопасности труда сотрудника пожарной охраны среди других проблем выдвигает проблему адаптации к действиям в экстремальных условиях, разработку адекватных методов психологического отбора.

Надійшла до редакції 16.10.2000 г.

А.Г.Самойлова

Становлення професійного рівня свідомості як результат навчання у ВУЗі

В статье рассматривается проблема психологических образующих профессионального сознания. Производится краткий анализ объективных и субъективных факторов, влияющих на профессиональное становление личности. Описывается процесс становления

уровня профессионального сознания в результате обучения в высшем учебном заведении. Обосновывается влияние профессиональной деятельности на развитие уровней сознания.

Пізнаючи дійсність, що оточує нас, ми намагаємося усвідомити її та пояснити закони, яким вона підпорядковується. Але кожному дослідникові знайомі труднощі, що виникають при описуванні предметів та явищ, які його цікавлять. Проблема адекватного опису реальності, що вивчається, є, безперечно, філософською. У певних емпіричних галузях її намагаються вирішувати лінгвісти, психолінгвісти, психологи, для яких вона трансформується у проблему співвідношення мови та свідомості. В психологічній науці спостерігається постійний інтерес не тільки щодо виділення та пояснення психологічних законів, але й до кваліфікованого опису психічних явищ.

В історії вивчення свідомості така проблема пов'язана із відкриттям її видів, типів, рівнів розвитку, що поширюють наукові уявлення про неї, а також із спробами наукової інтерпретації цих рівнів, порівняння їх змісту та структури. Мета даної статті - вивчення саме професійного рівня свідомості особистості та досліджування механізмів, за якими відбувається процес його формування.

В літературі професійна свідомість зазвичай розглядається в порівнянні із свідомістю буденною [1-5]. Слід зазначити, що теоретичною передумовою порівняльного аналізу цих рівнів свідомості повинна бути їх якісна певність, рівноправна цілісність, хоча їм і притаманна різна орієнтованість. Так, реалії, які стоять за поняттями «буденна свідомість» та «професійна свідомість», не існують одна без одної, а їх протиставлення є коректним лише у гносеологічному аспекті дослідження. При конкретно-науковому аналізі взаємодії людини із світом професійна та буденна свідомість повинні розглядатися як полюси єдиного континууму.

Суто психологічною стороною проблеми є пошук певних психологічних структур та процесів, що визначають феноменологію «буденного – теоретичного» в діяльності конкретної людини. Такий підхід дозволяє перемогти конфронтацію, яка виникла у останній час між дослідниками буденного та теоретичного рівнів відносно їх місця у структурі свідомості та ваги кожного з них для людини в цілому.

З прагматичних міркувань можливим є акцентування на вивченні буденного або професійного рівнів свідомості. Професійна свідомість вивчається нами у зв'язку з тим, що, на наш погляд, через рівень її сформованості є можливим дослідити ефективність навчання у вищому учбовому закладі.

Щодо специфіки професійного рівня свідомості, слід визначити, що феноменологія теоретичного способу взаємодії суб'єкта із світом характеризується розгорнутістю у часі, опосередкованістю, реалістичністю та логічністю дій, обумовленістю дії попередньою дією, а також можливістю вербального обґрунтування проміжних етапів прийняття рішення[6].

Слід зазначити, що процес професіоналізації особистості має як зовнішню, так і внутрішню сторони. Зовнішня сторона професійного становлення втілюється у об'єктивних характеристиках діяльності: у соціальній ситуації, в якій відбувається професіоналізація, в об'єктивних потребах суспільства в спеціалістах різного роду, а також у престижі професії.

Внутрішня, суб'єктивна сторона може розглядатися з декількох точок зору: структурно-змістовної, процесуально-біографічної та продуктивно-результативної[7,8].

Структурно-змістовний аспект, як відомо, містить знання, вміння, навички, професійні позиції, психічні якості. Професійні знання є похідними елементами культури професіонала та цілісної технології досягнення ним вагомих результатів праці.

Якщо розглянути процесуально-біографічний аспект професіоналізації, стає очевидним, що професійне становлення проходить у своєму розвитку певні стадії, які співвідносяться з етапами життя та соціалізації особистості: формування професійного інтересу, формування професійного наміру, професійне навчання, профадаптацію, розвиток професійних та особистісних якостей спеціаліста, реалізацію професійного потенціалу, спад професійної активності.

Кожна стадія професійного становлення відрізняється своїм специфічним психологічним змістом і характеризується особливими процесами. Наприклад, це процеси самосвідомості та самопізнання, які забезпечують усвідомлення особистістю власних психологічних властивостей, це процеси самооцінки, що співвідносять результат самопізнання із уявленнями про необхідний рівень розвитку професійно важливих якостей, а також це процеси самовідношення, що виражають емоційно-ціннісне ставлення до себе як до професіонала.

Виділяючи продуктивно-результативну складову професіоналізації індивіду, як показники можна виділити певні рівні професіоналізму, наближення до яких передбачає проходження відповідних етапів професіоналізації. Рівні характеризуються здібністю виконувати професійну діяльність, підготовленістю до стабільної продуктивної праці, професійною майстерністю, творчим оволодінням дослідницько-іноваційним стилем професійної діяльності, динамічністю, самобутністю та

оригінальністю мислення, оптимальним стилем реалізації у діяльності, життєвих відносинах і т.п.

Сходження до вершин професіоналізму відображається у об'єктивних результатах професіоналізації – економічному становищі, суспільному статусі соціальному визнанні. Поряд з цим стає можливим також виділити і особистісні набуття. Ними є особливе самовизначення людини, що формує ступінь зрілості особистості, специфічний тип професіонала: самовизначення у професії, особистісне та життєве самовизначення.

Результатом професійного становлення може бути зміна особистісних структур та характеристик. Саме тому процес розвитку інтегральних, стійких характеристик особистості, що являють собою певне співвідношення значущих особистісних якостей, суттєвих для успішної професійної діяльності, і є процесом становлення професіонала.

Формування професійного рівня свідомості відбувається в процесі соціо-культурного розвитку, і перед усім у такій його формі, як професійне навчання. Етап професійного навчання характеризується контрольованим придбанням суб'єктом знань у конкретній предметній області, що сприяє більш повному опису психологічних структур в разі дослідження.

Для студентів вищого навчального закладу важливою умовою навчання є одержання знань, розвиток умінь, формування навичок професійної діяльності. Між цими явищами спостерігається закономірний психо-фізіологічний зв'язок із розвитком рівнів свідомості. Нові знання – це у той самий час і нові ситуації, умови, на які перед усім реагує вищий рівень психіки з найбільш рухливими тимчасовими зв'язками, тобто рівень свідомості. «Людина вводить штучні стимули, сигніфікує поведінку та за допомогою знаків створює, діючи зовні, нові зв'язки в мозку»[9,с.82]. Формування професійного знання здійснюється поступово. Нові знання зберігаються у короточасній пам'яті, потім передаються до пам'яті на інтелектуальному рівні, при більшому ж закріпленні – до довгочасної пам'яті перцептивно-стереотипного рівня психіки. Тобто інформація, яка зберігається у трьох різних рівнях пам'яті, відрізняється ступенем стереотипності: нестереотипна інформація – у оперативній пам'яті, напівстереотипна – у проміжній пам'яті, стереотипна – у довгочасній.

Знання можуть залишатися без їх практичного застосування у довгочасній або проміжній пам'яті. Але частіше знання становляться базисом для навичок та вмінь. Початкові вміння потребують постійного контролю свідомості та вольового напруження, вони є напівстереотипними. Під впливом систематичних

вправ вони автоматизуються, стереотипізуються, надалі вже не потребують участі свідомості та волі. Навики мислення, управління увагою, мовленням є необхідними для подальшої творчої нестереотипної діяльності особистості. Тобто метою професійного становлення особистості та удосконалення за період навчання у вищому навчальному закладі є не лише становлення перецептивно-стереотипного рівня психіки. Наявність нестереотипного рівня психіки, рівня творчої активності теж є важливою. Це дозволяє уникати інертності, застою особистості, а взагалі визначає успішність професійного становлення.

Вимоги професійної діяльності пов'язуються із суб'єктом об'єктивними відносинами. Ці вимоги об'єктивно вводяться до діяльності індивіда та його життєвого світу, де вони набувають певного особистісного змісту. Тобто засвоєння професії передбачає формування характерних для даної професії особливостей образу та картини світу. Природним є припустити, що ті професіонали, які приймають свою професію як образ життя, набувають специфічної категоризації, бачення оточуючих об'єктів, особливе до них ставлення. При цьому професійне знання розглядається як загальна складова психологічних структур, яка, проявляючись в усіх сферах практичної діяльності людини, детермінує основні психологічні феномени.

Система відносин спеціаліста-професіонала з об'єктами світу визначається такими твірними як особливості професійного відображення ситуацій, особливості професійного міжособистісного сприйняття, особливості професійного спілкування. Але ж на перше місце серед показників сформованості рівня професійної свідомості ставиться професійна семантика [1,10]. У професіонала суб'єктивна модель світу формується при взаємодії із специфічним об'єктом праці й залежить від засобів та типів трудової взаємодії, від направленості навчальної взаємодії, - тобто проходить такий самий шлях формування та зазнає впливу тих самих формуючих факторів, що й система смислів. В процесі професійного навчання та подальшої трудової діяльності у внутрішньому світі суб'єкта відображається велика кількість різних предметів, в тому числі і професійних. На початку навчання вони ще не мають актуальної цінності для діяльності суб'єкта, тобто ще не перетворюються у її функціональний компонент. В процесі навчання суб'єкт вивчає професійні значення, але поки тільки у теоретичному аспекті, не маючи можливості випробувати себе на практиці. І лише в процесі практичної діяльності відбувається перебудова декларативних понять у професійно реальні. Тобто в професійному становленні особистос-

ті відбувається такий процес семантизації, коли конструюється нове розуміння предметів і саме за допомогою аналізу процесу формування професійних значень стає можливим прослідити, як відбувається формування рівня професійної свідомості особистості. Тому можна говорити про те, що наявність та сформованість професійного рівня свідомості може визначатися за допомогою числових параметрів семантичних структур. Аналіз теоретичних та експериментальних досліджень дає підстави вважати, що семантичні методи є перспективними в розробці проблеми дослідження формування професійного рівня свідомості, тому що надають можливість дослідити деякі особливості його функціонування на рівні глибинної семантики.

Таким чином, з певною переконаністю можна припустити, що навчання у вищому навчальному закладі впливає на формування професійного рівня свідомості кожного конкретного суб'єкта. Для кожної професії характерним є власний спосіб будування образів об'єктів світу а також образа світу в цілому. Професійна діяльність базується на професійному та особистісному досвіді, тому оволодіння професією, крім засвоєння певних когнітивних схем, вмінь, систем предметних значень, спеціальних засобів мислення, передбачає глибокі перетворення смислових структур, структур суб'єктивного досвіду, тобто перетворення самої людини у суб'єкта професійної діяльності. Зміст рівня професійної свідомості не є перманентним, його компоненти не задаються раз і назавжди, а будуються та перебудовуються у цілісному процесі мислення у його соціо-культурному, логіко-психологічному та індивідуально-особистісному вимірах.

ЛІТЕРАТУРА

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики/ Под Ред. И.Б. Ханиной.-М.: Наука; Смысл; 1990.-350с.
2. Бодров В.А. Психологические исследования проблемы профессионализации личности // Психологическое исследование формирования личности профессионала.-М.: Наука,1991.-с.3-26.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: Т.3.-М.,1983
4. Горбачева Е.И. Предметная ориентация мышления как основа избирательности семантической активности// Вопросы психологии.-1999.№3.-с.67-74.
5. Леонтьев Д.А. Субъективная семантика и смыслообразование // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология . -1990. №3. - с.33-41
6. Максимова Н.Е. и др. Соотношение грамматики и семантики высказываний со структурой индивидуального знания (к

- проблеме рационального – интуитивного) // Психологический журнал. Том 19. - 1998. №3. - с.63-83.
7. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. - М.: Изд-во МГУ, 1998. - 208с.
 8. Психология сознания и речи./Ред. кол.: К.К.Сергеев /отв.ред./ и др. -Пятигорск., 1976. 63с.
 9. Рабочая книга практического психолога: теория эффективной профессиональной деятельности /Под ред. А.А. Деркача. -М., 1996. 400с.
 10. Ханина И.Б. К вопросу о профессиональной составляющей в структуре образа мира// Вестник МГУ, Сер.14, Психология.- 1990.№3.-с.42-49 Н.Ф.

Надійшла до редакції 11.10.2000 г.

О.П.Санникова

Психологический портрет кризисной личности

В статті викладаються результати дослідження психологічної кризи як одного з видів психологічних станів. Розглядаються етапи переживання кризи та розкривається зміст і структура психологічного феномена, який виражається. Аналізуються причини та наслідки переживань психічної кризи.

В настоящем сообщении рассматриваются некоторые особенности переживания кризисных ситуаций для лиц, различающихся типом эмоциональности. Исследование психических состояний, в частности, кризисных, в контексте индивидуальных различий - одно из наименее разработанных и наиболее важных направлений психологии. Последнее обусловлено не только необходимостью обогащения теории вопроса, но и требованиями практики, нуждающейся в психокоррекционных программах, учитывающих особенности переживания кризиса людьми с разными индивидуальными особенностями.

Теоретическая и экспериментальная разработка рассматриваемой проблемы велась в двух направлениях. Первое направление связано с исследованием психического кризиса, его структуры, особенностей, динамики протекания, способов его преодоления и т.д. Второе - с исследованием эмоциональности, как в системе свойств личности, так и в системе механизмов, регулирующих деятельность.

При пересечении этих направлений определился подход в исследовании индивидуальных различий в эмоциональности, проявляющихся

в специфике протекания и преодоления кризисных ситуаций, в поиске стратегий поведения, направленных на минимизацию отрицательных последствий кризиса, на адаптацию, на конструктивное преобразование кризисной ситуации.

В рамках первого направления обобщены и проанализированы подходы в исследовании проблемы психического кризиса. Вкратце изложим основные теоретические положения, непосредственно касающиеся цели данного сообщения.

Кризис понимается как периодически повторяющееся в течение жизни острое, ограниченное во времени, субъективное переживание невозможности реализации жизненных целей, задач, планов. Многими кризис переживается как драма, катастрофа. Подобные переживания «перекрывают» возможности и ресурсы личности, лишают ее на некоторое время способности сопротивляться сложившейся ситуации, что приводит к потере контроля над ней, над своими эмоциями, поведением и деятельностью.

В исследовании мы различаем понятия «переживание кризиса» и «кризисные переживания». Понятие «переживание кризиса» используется нами в широком смысле и рассматривается, как сложное, структурное психическое явление, разворачивающееся во времени («пере-живание» как психическая деятельность: время жить и «пере-жить»).

Понятие «кризисные переживания» рассматривается в более узком контексте как эмоциональные переживания и реакции, возникающие у человека, оказавшегося в кризисной ситуации. Несколько упрощая, можно сказать, что переживание кризиса (сокр. «кризис»), как относительно устойчивое, но конечное во времени состояние личности, в качестве одного из элементов (показателей) включает паттерн кризисных переживаний.

При неблагоприятном исходе переживание кризиса завершается появлением неврозов, неврозоподобных расстройств, деформацией личности, синдромом эмоционального выгорания, суицидом и т.п.

При благоприятном исходе кризис можно рассматривать и как перманентное состояние нормально развивающейся личности, как состояние, которое предшествует появлению качественно новой личности, вплоть до изменения системы установок, отношений, ценностей и т.д.

Как процесс, имеющий свою логику и разворачивающийся во времени, психологический кризис характеризуется особенностями динамики протекания и определенными этапами развития. В качестве основных этапов можно выделить: начальный период, период

накопления напряжения, критический период или период «острых» переживаний, период выхода (принятие решения с последующей стабилизацией). Каждый из этапов характеризуется своим специфическим содержанием и выраженными формами поведенческих реакций.

Важно отметить, что преодоление кризиса возможно только в результате специфической деятельности (в результате переживания), направленной на адаптацию к возникшей ситуации, к изменившимся условиям существования. Избирательная совокупность определенных действий, приемов (эмоциональных, когнитивных, мотивационных, и т.п.) характеризует индивидуальную стратегию преодоления кризиса.

Кризисная ситуация представляет собой неразрывный синтез «волнующего объекта и взволнованного субъекта». Степень ее эмоциональности-неэмоциональности для каждой личности определяется не столько объектом, событием (фактом) вызывающим или провоцирующим кризис, сколько субъективным отношением к этим событиям, их интерпретацией. Мы полагаем, что состояние кризиса возникает как эмоциональная, когнитивная, поведенческая реакция человека на субъективно драматическую, нерешаемую им в данный момент, сверх-значимую, и именно поэтому критическую, ситуацию.

Важнейшим элементом кризисной ситуации является исходное состояние самого субъекта (предшествующее ситуации), его индивидуальные особенности, которые во многом обуславливают переживание кризиса и последующее поведение.

Разные люди по-разному и в разной степени переживают психологический кризис. Индивидуальные различия в переживании кризиса могут проявляться в разных качественно-количественных сочетаниях его показателей, в особенностях эмоциональных переживаний, в поведении, в специфике протекания и в способах преодоления кризиса.

В качестве оснований для исследования индивидуальных различий, проявляющихся в кризисе, в психологии рассматриваются личностные особенности людей (моральные, нравственные свойства, мировоззрение, убеждение, особенности мотивации); особенности локуса контроля (в экстремальных условиях при социальном давлении экстерналы в отличие от интерналов более подвержены кризису); полезависимость – полнезависимость, типологические свойства нервной системы и т.д. Кроме того, отмечается, что возраст, пол, тренировка, опыт также существенно влияют на переживание кризиса, на специфику его преодоления.

Основанием для изучения индивидуальных различий, проявляющихся в специфике переживания профессионального кризиса, мы избрали эмоциональность, исследование которой и является содержанием второго направления нашей работы. Непосредственной теоретической базой в изучении эмоциональности для нас явились результаты исследований Б.М. Теплова, В.Д. Небылицына и А.Е. Ольшанинковой в области дифференциальной психологии и психофизиологии, заложившие основы теории эмоциональности.

Ключевые моменты системного анализа эмоциональности мы сводим к следующему:

1. С позиций континуального подхода под эмоциональностью мы понимаем устойчивое, интегральное, структурное образование личности, характеризующееся определенным сочетанием ее разноуровневых показателей. Эмоциональность рассматривается как комплекс индивидуально-устойчивых свойств, отражающих особенности возникновения и протекания эмоциональных переживаний.

2. В структуре эмоциональности выделяется целый комплекс свойств, включающих:

а) динамические параметры (формально-динамический уровень): сила, интенсивность, длительность, скорость возникновения, протекания и смены эмоциональных переживаний, экспрессия, т.е. проявление эмоций вовне и т.д.;

б) качественные характеристики, несущие информацию о модальности (паттерны эмоций: «радость», «гнев», «страх», «печаль»), и знаке доминирующих эмоций (удовольствие-радость, неудовольствие-страх, гнев, печаль);

в) содержательные характеристики эмоциональности, связанные с личностными ценностями, мотивационной направленностью (содержательно-личностный уровень);

г) характеристики эмоциональности, обусловленные включением человека в различные социальные связи, воздействием реальной социальной среды, общества, культуры, традиций (социально-императивный уровень).

3. Распределение показателей эмоциональности по указанным уровням условно, а не строго однозначно: каждая черта сочетает в себе долю динамического, содержательного и социально-императивного в разных пропорциях.

4. В структуре эмоциональности важными в совокупности всех параметров признаны качественные особенности (модальности Р «радость», Г «гнев», С «страх» и П «печаль»), так как именно в них выражается психологическая сущность эмоций - отношение к отражаемому.

5. Сочетание базальных эмоций, степень доминирования каждой из них определяют тип

эмоциональности. При этом эмоциональный облик каждого человека представляет собой «точку» в пространстве указанных характеристик.

Устойчивая склонность к переживаниям эмоций определенной модальности, характеризующая тип эмоциональности, влияет на исходный уровень, «порог» эмоциональной чувствительности, на фоне которого разворачиваются актуальные (ситуативные, транзитные) эмоциональные переживания, в том числе и кризисные, возникающие в процессе жизни при изменяющихся условиях среды.

При разработке теории эмоциональности установлено, что она является системообразующим свойством личности, участвует в детерминации успешности деятельности, в ее регуляции. В контексте данного исследования это означает, что эмоциональность может оказывать влияние не только на структуру психического кризиса, но и на динамику его протекания, на выбор способов, приемов, стратегий преодоления кризисных ситуаций.

Иными словами, каждому типу эмоциональности при переживании психологического кризиса, помимо общих симптомов (черт), свойственна определенная специфика субъективных показателей кризиса и их объективных проявлений, определенное их качественно-количественное сочетание. Кроме того, каждому типу эмоциональности свойственна избирательная совокупность определенных действий, приемов (эмоциональных, когнитивных, мотивационных, поведенческих), направленных на адаптацию к изменившимся условиям действительности, что и характеризует индивидуальную стратегию преодоления кризиса.

Для проверки данной гипотезы мы использовали результаты нашей психодиагностической и психотерапевтической работы с людьми,

переживающими острый кризис. Прежде чем излагать полученные результаты, проведем некоторые уточнения.

Во-первых, для нас, на данном этапе, не имело значение ни происхождение кризиса (причина его возникновения), ни сфера, в которой он обнаружился (семейный кризис, профессиональный и т.д.). Нас интересовало, как, каким образом, и с каким результатом человек преодолевает кризисную ситуацию.

Во-вторых, в этом сообщении мы анализируем данные испытуемых-кризисников, принадлежащих к мономодальному типу эмоциональности, т.е. испытуемых с доминированием только одной из четырех модальностей Р, П, Г или С (теоретически возможных типов эмоциональности может быть $n!=2^4-1=31$). Полимодальные типы, т.е. с доминированием двух и более модальностей, здесь мы не анализируем. Наш выбор обусловлен тем, что у мономодальных типов эмоциональности индивидуальные различия в переживаниях кризиса, в том числе и в стратегиях его преодоления, проявляются в более «чистом», сконцентрированном виде.

В-третьих, напомним, что психологическая сущность эмоций заключается:

- а) в отношении к объекту (положительном или отрицательном);
- б) в способе взаимодействия с ним (активном или пассивном);
- в) в направленности (на объект или от него).

У разных модальностей встречаются разные сочетания указанных характеристик. Традиционно в психологии, в основном принята такая схема (см. табл. 1).

Исследуя эти сочетания, мы обнаружили, что связи между ними сложны и противоречивы. В частности, это касается способа взаимодействия с объектом: все без исключения мо-

Таблица 1

	Отношение	Способ	Направленность
Р	«+»	активный	на объект
Г	«-»	активный	на объект
С	«-»	активный	от объекта
П	«-»	пассивный	-

Таблица 2

	Отношение	Способ	Направленность
Р	«+»	активный	на объект
Р	«+»	пассивный	-
Г	«-»	активный	против объекта
Г	«-»	пассивный	-
С	«-»	активный	от объекта
С	«-»	пассивный	-
П	«-»	активный	от объекта
П	«-»	пассивный	-

дальности по-разному (и активно и пассивно) взаимодействуют с объектом. О векторе направленности на объект или от него можно говорить лишь в случае активного с ним взаимодействия (см. табл. 2).

Мы приводим эти данные, потому что без характеристики психологической сущности эмоций доминирующих модальностей невозможно объяснить причину различий эмоциональных типов (тем более в рамках одного и того же типа), проявляющихся в особенностях переживания кризиса.

Кроме того, сложно без учета психологической сущности эмоций понять механизм эмоциональной регуляции поведения и появление индивидуальных стратегий преодоления кризисных ситуаций.

Когда возможности личности, переживающей кризис, ограничены, все пути отступления перекрыты, имеющийся опыт не помогает решить ситуацию, когда эмоциональная нагрузка так велика, что невозможно оставаться в этом мире, возникает необходимость каким-то образом изменить этот мир. Невыносимое напряжение становится мотивом для «магического» (терминология Ж.-П. Сартра) преобразования мира, для изменения отношений к нему. В результате разрушается конфликт и снимается напряжение, «срабатывает» адаптивный механизм — механизм психологической защиты.

Однако эта общая для всех кризисных личностей картина будет неполной без характеристики особенностей переживания кризиса людьми, отличающимися типом эмоциональности и разной степенью активности взаимодействия с миром. В ситуации переживания кризиса существует определенная вероятность использования как продуктивных, так и непродуктивных психологических защит (МПЗ), реакций, способов и стратегий поведения представителями разных типов эмоциональности (тип эмоциональности определялся с помощью специальной психодиагностической процедуры).

Тип Р, активный (очищающий). Активный «радостник» (склонность к доминированию эмоций модальности «радость») редко переживает кризис и не потому, что нет причин, т.е. «волнующих объектов», а потому, что сам редко становится «волнующимся субъектом». Общее положительное отношение к миру настолько повышает порог его чувствительности к стрессу, к фрустрации, к кризису, что он почти никогда не замечает начала и развития кризисной ситуации. Оказавшись на «пике» кризиса, часто неожиданно для себя, подобные субъекты обнаруживают формы поведения, направленные на минимизацию негативных переживаний, и устранение кризиса.

Магическое преобразование ситуации. Прежде всего, данные субъекты на фоне неожиданной паники, разрабатывают целую систему МПЗ, с помощью которой пытаются уничтожить негативные переживания, так им не свойственные, вызванные кризисной ситуацией. Люди подобного типа склонны к фантазированию, ко лжи, защищая и оправдывая свои действия, взгляды, позиции. Активность направлена на обесценивание ситуации. В качестве МПЗ выступают такие его виды, как «виноград зелен» (уменьшение значимости цели), интеллектуализация (активная интеллектуальная переработка эмоциональных конфликтов), диссоциация (сохранение противоречивых мотивов и качеств личности), подавление (неприемлемых желаний, тенденций) и др.

Смена круга общения (поиск обожателей). При переживании кризиса во взаимоотношениях с другими людьми, подобные субъекты минимизируют свои отрицательные эмоции либо за счет активного общения в широком кругу, избегая негативных контактов, постоянно отвлекаясь от проблем, либо за счет очень интенсивного и поверхностного общения в незнакомой для них обстановке. Это позволяет не задумываться над повторяющимися время от времени, типичными проблемами. Причем, для более длительного общения избираются те партнеры, которые поддерживают на высоком уровне самооценку кризисной личности, ее Я-концепцию. На некоторое время кризисная ситуация нивелируется.

Тип Р, пассивный. У типа Р в остром кризисе вначале преобладает беспокорство общего характера с последующим эмоциональным спадом. В качестве механизмов психологической защиты выступает экранирование (отгораживание психических нагрузок), отрицание (неприятие болезненных реальных фактов), регрессия (возврат к шаблонам поведения) и др. Интересно то, что такие личности в своей пассивной радости часто испытывают грусть. Их обычная склонность к радости после переживания острого кризиса трансформируется в состояние «печаль моя светла», что позволяет им принять ситуацию, согласиться с ней и при этом получать свою порцию положительных эмоций.

Тип Г, активный (нерациональная активность). Лица со склонностью к доминированию эмоций модальности «гнев» в кризисе чаще всего агрессивны. Активность их направлена не столько на решение проблем, сколько на поиск и устранение причин, их вызвавших. Ищутся виновники неудач, пересматриваются условия, обстоятельства; задумываются планы изменения внешней (объективной) части кризисной ситуации; пересмат-

живаются личные контакты. Цель – активное преобразование ситуации и других людей, причем не только тех, кого кризисные личности обвиняют в неудачах. При этом «активный гневливик» стремится убедить окружающих (в первую очередь себя!) в несправедливости и враждебности мира, который так много требует от него.

Тип Г, пассивный. Наиболее остро, с наибольшей психической напряженностью и драматизмом переживают кризис испытуемые, склонные к доминированию эмоций данного паттерна и одновременно с пассивной позицией по отношению к окружающему миру. Страдания поведения, способствующая выходу из критических ситуаций «пассивных гневливиков» еще мало нами изучена (в нашей выборке мы наблюдали только двух испытуемых).

Напряжение и раздражение по поводу кризисной ситуации у подобных личностей находит выход в обвинении обстоятельств, общества в целом, государства и т.д. В качестве МПЗ часто используется смещение (вербальные, эмоциональные, двигательные реакции личности, направленные не на ситуацию кризиса, а на нейтральный, случайный объект или ситуацию) и фантазирование (множество нереальных планов, способов преодоления кризиса, поддержание надежд). Временное успокоение дает ожидание мифического «крутого» защитника, который может вытащить их из кризиса. Наблюдаются у данных личностей и проекции, переносы (психолог становится ответственным за то что происходит, а скорее, ничего не происходит) с кризисной личностью.

Тип С, активный (амбивалентный). Лица данного типа, условно назовем их «активными страховиками», обнаруживают внешне исключительные друг друга формы поведения. Сохранить свои мотивы и качества, которые из-за противоречивости не могут быть интегрированы и не могут быть исключены в силу значимости, помогает МПЗ диссоциация. В противном случае наносится ущерб для своей деятельности и самоуважения, что может привести к деструктивным последствиям кризиса.

Меняется характер и качество общения:

Хаотичное общение. Данные субъекты, обычно стремящиеся по жизни к общению в узком кругу только близких людей, при переживании кризиса минимизируют свои отрицательные переживания за счет ограничения общения до самых необходимых контактов. Вместе с тем они теряют, свойственную им осторожность, избирательность в общении, что проявляется в появлении новых, сомнительных знакомств, в смене обычного узкого круга общения другим, в нарастании проблем во взаимоотношениях с близкими людьми.

Зависимость от других. Активные страховики для преодоления кризиса «используют» других людей, вовлекая их в свою ситуацию. Развивается патологическая зависимость от них, которая проявляется в чрезмерной заботе о том, чтобы не обидеть других людей, но не из любви к ним, а из-за страха потерять их расположение, потерять удовлетворение в зависимости от них. Появляется тревожная привязанность, что еще больше увеличивает уязвимость субъекта, увеличивает страх перед одиночеством.

Автономия. Из-за уязвимости, страха перед неприятностями, которые потенциально сулит общение, возможным выходом из кризиса для данных субъектов является развитие навязчивой самодостаточности. Минимизируются любые контакты, избегаются интимно-личностные отношения, вплоть до полного отказа от общения, предпочитается одиночество.

Жертва. Полевое поведение, экстравертированная установка (стремление максимально соответствовать требованиям общества, администрации, членов семьи, окружающих, даже совершенно не значимых людей), стремление вырваться из кризиса путем максимальной адаптации к сложившимся условиям (гиперадаптация). Это приводит к тому, что субъект приноравливается к жертве ситуации.

Тип С, пассивный (отстраненный). Люди подобного типа не видят возможностей для преобразования кризисной ситуации, не принимают никакой активности для изменения окружения, себя, условий (жизни, работы, общения и т.д.). Для выхода из кризиса им ничего не остается, как уничтожить саму ситуацию в своем сознании. Поэтому излюбленными способами психологической защиты они избирают перцептивную защиту (способность не замечать происходящее, невнимательность к нему относится), притупление чувств (безэмоциональность, психическая невозмутимость), отрицание (неприятие болезненных реальных фактов). Однако фантазирование, замена фактов ложными домыслами, обычно встречающиеся при отрицании, данному типу эмоциональности не свойственны, так как требуют определенной психической активности, энергии. С одной стороны, подобная позиция снимает напряжение, обесценивает событие, позволяет пустить все на самотек, с другой, может привести к уходу в себя, к алкоголизации, наркомании, деградации личности.

Тип II, активный (формы демонстрации бессилия) Интереснейшие формы приобретает стратегия «борьбы с кризисом» у «активных печальников».

а). Отказ от ответственности. Подмена одних проблем другими. При этом они защищаются, используя отрицание (активное непри-

ятие ситуации), интеллектуализацию (интеллектуальная переработка существующих проблем, активное сокращение своих истинных мотивов, чувств, желаний, собственных черт характера и т.п.) и др.

б) Демонстрация бессилия. Магическое преувеличение трудностей, активное убеждение себя и других в невозможности каких-либо действий. Становится понятным, что для людей с подобной позицией повлиять на ситуацию – событие невозможное, даже если для других это вполне реально (например, развестись, сменить место работы и т.п.). Любые способы при этом отвергаются. Защищается неизбежность сложившейся ситуации, защищается мазохистическая страсть к страданию. Эти страдания, порой, выливаются в очень интересный тип поведения:

в). Перенос ответственности на других. Активно осуществляется поиск лидера, которому не только можно «поплакаться в жилетку», но и получить эмоциональную и реальную поддержку в кризисной ситуации. Ему отдается инициатива в поиске путей и средств в преодолении кризиса с полным перекалыванием ответственности за жизнь кризисной личности. Проявляется МПЗ по типу симпатизма (привлечение к себе внимания, стремление вызывать чувства жалости, сочувствия, сострадания). Цель – вызвать санкционированное прощение, снисхождение к себе, своим побуждениям, поступкам. В итоге подобная позиция, с одной стороны, снимает внутреннее напряжение, с другой, – приводит к социальной инфантильности, неумению обходиться без посторонней помощи даже в мелочах, к регрессии и т.п.

Тип II, пассивный (принятие ситуации). У лиц данного типа на всех этапах протекания кризиса, на фоне неудовлетворенности собой, разворачивается богатейший репертуар эмоциональных переживаний и мыслеформ. Эмоциональная палитра переживаний обогащается насыщенностью более тонких ее оттенков, затем острый период сменяется эмоциональным истощением.

Притупление чувств. Последний этап переживания кризиса характеризуется угнетенным поведением, сведением к минимуму воздействий окружающего мира (предпочитается одиночество, полумрак, тишину...). Наиболее типичным механизмом психологической защиты для данных личностей является притупление чувств (окаменение, психическая невозмутимость).

Эмоциональное сгорание. Данные субъекты желают быть «наедине со своей болью». Однако фактически вся их пассивная печаль направлена не на изменение кризисной ситуации, а на уничтожение обязанности, скорее

даже необходимости искать новые пути, что-то менять в себе. В результате все сводится к аффективному нулю к эмоциональному выгоранию.

Итак, мы остановились, в основном, на деструктивных способах преодоления кризисных ситуаций. Важно отметить, что у лиц с рассмотренными типами эмоциональности, в равной степени встречаются и конструктивные стратегии поведения, анализ которых мы не приводим в данном сообщении.

Если обобщить способы выхода из кризисных ситуаций, то их можно классифицировать следующим образом:

В зависимости от соотношения эмоционального и рационального компонентов в выборе стратегий преодоления кризиса выделяются стратегии: а) с доминированием эмоционального компонента (импульсивность, незапланированность действий, противоречиях трезвому расчету, нерациональная активность, недостаточный самоконтроль своих действий, зависимость от ситуации, полевое поведение, хаотичное социальное очищение и т.п.); б) с доминированием рационального компонента (понимание и анализ ситуации, планирование и расчет, спокойное принятие решения).

В зависимости от сохранности, экологичности по отношению к кризисной личности можно выделить: а) конструктивный (изменение, развитие, личностный рост, самоактуализация); б) деструктивный (регрессия, деградация, деформация и пр.) типы стратегий.

Нами установлено, что испытуемые, принадлежащие к одной и той же эмоциональной группе (имеющие одинаковые эмоциональные диспозиции), испытывают определенных переживания по поводу кризисной ситуации, им свойственны типичные трудности, барьеры в общении, они используют сходные способы реагирования, определенные механизмы психологических защит, используют сходные способы выхода из кризисной ситуации и в то же время демонстрируют отличия в проявлении данных качеств по сравнению с другими группами. Эмоциональность, таким образом, выполняет не только регулирующую, но и селективную функцию

Особенности актуальных (ситуативных, «транзитных» переживаний), возникающих при кризисе и способы его преодоления обусловлены устойчивыми качественными характеристиками эмоциональности. Драматизм кризисных переживаний раскрывает психологическую «цену» кризиса.

Эмоциональность при этом выполняет функцию фильтра, который пропускает одни средовые воздействия и блокирует другие. Можно считать, что эмоциональность оказывает влияние на структуру психологического

кризиса, на особенности его протекания, на частоту переживания, на выбор способов выхода из кризисной ситуации и на предрасположенность индивида к переживанию кризиса.

Все сказанное позволяет рассматривать эмоциональность как глобальное свойство, в рамках которого протекают все психические процессы и состояния, как фокус пересечения всех входящих в нее модальностей, как результат и итог генетического и средового (онтогенетического) развития.

Надійшла до редакції 06.11.2000 г.

И.А.Семёнкина

Коммуникационный тренинг как метод психологической коррекции супружеской дезадаптации

Застосовано модифікований автором метод комунікаційного тренінга для психологічної корекції дезадаптації подружжя. Докладно висвітлена методика проведення тренінга, зокрема основні правила комунікації. Стійкий терапевтичний ефект при комунікативній формі дезадаптації подружжя склав $76 \pm 6\%$.

Ключові слова: комунікаційний тренінг, психологічна корекція, дезадаптація подружжя.

Нарушение коммуникации супругов в виде разнообразных конфликтов представляет собой нередкое явление в супружеской жизни. Приобретая деструктивный характер, эти конфликты могут привести к развитию коммуникативной формы дезадаптации супружеской пары. Существует два пути психологической помощи при возникновении данной формы дезадаптации: 1) коррекция направлена на решение конкретной проблемы, имеющейся у одного или обоих супругов; 2) коррекция имеет целью нормализацию межличностных отношений супругов, что достигается путем обучения их тому, как следует строить общение и находить выход из конфликтных ситуаций независимо от той проблемы, которая вызвала возникновение конфликта.

Наш опыт свидетельствует о том, что наиболее результативным методом достижения последней цели является коммуникационный тренинг. Этот метод был с успехом применен нами в 62 супружеских парах, у которых имела место коммуникативная форма супружеской дезадаптации.

Тренинг основан на принципах и правилах

коммуникации, разработанных Д.Карнеги [1], в него включены способы разрешения конфликтов, предложенные Ч.Ликсоном [2], которые мы использовали в рамках групповой психотерапии. Коммуникационный тренинг проводился в несколько этапов. Первым, диагностическим этапом психологической коррекции было получение информации об имеющихся у данной супружеской пары нарушениях в общении и определения уровня социально-психологической адаптации супругов. На втором этапе полученная информация обсуждалась с супругами, причем выяснялась их собственная оценка характера своего общения. Затем супругам давались конкретные задания и инструкции, задачей которых было внесение корректив в общение. После этого начинался основной этап коррекции - непосредственное обучение коммуникации, т.е. собственно коммуникационный тренинг.

Занятия проводились как психологом, так и самостоятельно, дома, где супруги должны были выполнять специальные домашние задания.

Необходимо было прежде всего научить супругов избегать возникновения конфликтов, напряженности в отношениях, конфронтации и ссор. Этой цели служит так называемая супружеская тактика, основанная на использовании позитивных форм поведения, исключающих агрессивные тенденции и их проявление. Супружеская тактика Д.Карнеги - это форма сознательного управления поведением партнера, изменения его в желаемом направлении. Особым достоинством супружеской тактики является то, что ее можно применять даже в тех случаях, когда партнер отказывается сотрудничать. Но основным условием успешного использования супружеской тактики является, естественно, умение владеть проявлениями своих собственных чувств.

Можно следующим образом сформулировать основные правила супружеской тактики. Отношения с супругом могут быть гармоничными только в том случае, если хорошо знаешь и понимаешь его, для чего необходимо знать не только его слабости и отрицательные черты, но и положительные качества, интересоваться его мнениями, увлечениями и уметь проявлять свой интерес к ним.

Важным условием правильного контакта с супругом является умение слушать, нередко это даже более важно, чем умение говорить самому. Не следует, например, обрушивать на мужа поток мало интересующей его или излишней информации. Необходимо дать возможность ему самому раскрыть себя, тогда и у него возникнет интерес к вашим делам и проблемам, т.е. будет достигнут продуктивный контакт. В то же время нужно уметь говорить

о том, что интересует или может интересовать партнера. Хороший собеседник не только слушает, но и следит за его мыслью, понимает его, и своим участием в беседе поддерживает взаимный интерес.

Не нужно полностью отказываться от критики, она бывает необходима в отношениях с супругом, однако использовать ее следует осторожно, поскольку, как известно критика нередко бумерангом возвращается к критикующему. Лучше всего избегать прямой критики «в лоб», стараться, критикуя, не задеть личное достоинство супруга и, по возможности, подчеркивать положительные моменты, подводя его таким образом к самокритике, которая всегда дает значительно лучшие результаты. Ни в коем случае не следует делать критические замечания в обидной форме или в форме нападок.

Не менее осторожно нужно относиться и к различного рода приказам, необходимо избегать приказного тона. Большинство людей проявляют вполне естественное, особенно в семье, сопротивление приказам. Учитывая это, лучше облекать их в форму вопроса или просьбы.

Для поддержания хороших взаимоотношений чрезвычайно важно и признание своих собственных ошибок. Ссоры или конфликта, как правило, удается избежать, если своевременно понять свои ошибки и исправить их. Кроме того, добровольно признавая ошибкой даже то, что в прямом смысле слова, ошибкой, возможно, и не является, можно успешно овладеть конфликтной ситуацией.

Не следует бояться похвалы: в своих отношениях с супругом люди обычно склонны высказывать критические замечания о том, что им не нравится, и принимать как должное то, что нравится. Согласно супружеской тактике, лучше по каждому подходящему поводу высказать свое удовольствие, чем пользоваться случаем покрикетовать. Полезно даже слегка идеализировать партнера, говорить о нем так, как если бы уже стал таким, каким мы хотели бы его видеть.

Учитывая, что на любые спорные вопросы каждый смотрит под иным углом зрения и видит их по-своему, очень важно для правильного контакта умение войти в положение другого, посмотреть на вещи его глазами. В большинстве случаев при этом можно найти общий язык и в споре.

В супружеских взаимоотношениях очень важно соблюдать принцип «не ссориться». Это одно из условий хороших взаимоотношений. Деструктивная ссора не может решить возникшую проблему, она лишь усиливает напряженность и чувство несправедливости у каждого из супругов. «Не ссориться» не озна-

чает молчать - это значит лишь «быть выше ссоры», обсуждать проблемную ситуацию, но ни в коем случае не обвинять и не унижать партнера. Ссора с взаимными обвинениями лишь затрудняет понимание и принятие мнения другого, даже если оно правильно.

Наконец, одно из правил хорошей коммуникации - умение улыбаться. Приветливая улыбка диаметрально противоположна конфликту и обычно всегда вызывает ответную доброжелательность, ведь настроение легко передается. Известно, что веселый и остроумный попутчик поднимает настроение окружающих, даже если они утомлены длинной и скучной дорогой. Необходимо улыбаться супругу, и он ответит улыбкой.

Описанные общие правила коммуникации дополняются правилами ликвидации и предупреждения конфликтов. Основное условие улаживания конфликта - это честность. Ч.Ликсон справедливо считает, что никакой конфликт не может быть разрешен, пока в нем не проявятся истинные мотивы людей, а не их претензии. Поэтому супруги, которые хотят сохранить свои отношения, должны стремиться к искренности, «снимая маски». Точно также необходимо, чтобы разрешить конфликт, выявить подлинную вызвавшую его проблему. Должны быть найдены реальные, истинные причины конфликта, что часто является непростой задачей и для психолога, и для пациентов.

Бесперспективной является установка на «победу» в конфликте. Такая установка лишь заводит в тупик и делает разрешение конфликтов практически невозможным. Необходимо искать конструктивные пути решения конфликтов и в этом важно убедить супругов.

Конфликтные ситуации в большинстве случаев развиваются в самых разных направлениях, и супругам приходится выбирать из нескольких возможностей. Игнорирование проблемы, уступка противнику или сопротивление его нападениям исключают возможность мирного улаживания конфликта. Обычно существует несколько вариантов конструктивного решения проблемы, и какие именно из них выбрать - зависит от характера конфликта.

Воплотив в жизнь выбранные для решения проблемы варианты, можно кардинально изменить конфликтную ситуацию. При этом чем больше возможных вариантов успешного решения конфликта, тем выше шансы найти общую почву для примирения. Сам процесс выработки нескольких возможных решений является проверкой искренности намерения сторон ликвидировать конфликт. При этом, естественно, прежде всего следует выбирать вариант, который как можно больше дает каждой из сторон и в то же время реален.

Общение, как известно, является основным средством для создания позитивных возможностей, в том числе и возможностей успешного общения и разрешения конфликтных ситуаций. Следовательно, необходимо, чтобы каждая из сторон информировала другую сторону о своих «миролюбивых» намерениях и предложениях.

И, наконец, важнейшим, если не главным, условием перестройки конфликтных отношений является признание каждым из супругов самодовлеющей ценности личности другого, признание права каждого на свою позицию. Следует исходить из того, что в каждой позиции могут заключаться свои достоинства, причем при ближайшем рассмотрении может оказаться, что позиции супругов не различаются принципиально, и их может объединить глубоко скрытое желание разрешить конфликт и сохранить взаимоотношения.

В коммуникационный тренинг, по нашему мнению, должна входить в качестве фрагмента предложенная С.Кратохвилем [3] методика «конструктивной ссоры». Эта форма коммуникации, при которой супруги, соблюдая определенные правила, в обусловленное время открыто проявляют свои отрицательные эмоции, неудовлетворенность и критику по отношению друг к другу. С этого начинают ссору. Затем супруги переходят к самокритике и положительной оценке друг друга, а иногда и достигают компромиссного решения спорного вопроса. Это способствует сближению супругов, позволяет ослабить отрицательные эффекты, а затем и конструктивно решить конфликт.

В качестве подвода к ссоре следует использовать какое-либо критическое событие. Начинаящий ее должен предварительно четко уяснить себе, чего он требует, чего хочет с ее помощью добиться. И, главное, целью ссоры должно быть не поражение противника, не собственная «победа», а совместное решение проблемы.

При проведении ссоры должны соблюдаться правила честной игры, а именно - аргументы не должны задевать больные места партнера, нельзя высмеивать его физические недостатки, припоминать старые обиды, не допускаются выпады против лиц или атака на предметы, которые дороги партнеру («твоя мать», «твои книги»), неопределенные обобщения («ты мне никогда не помогаешь») и неприемлемые средства решения конфликта (угроза развода из-за разбитой чашки).

Ссору нередко бывает трудно начать и почти всегда трудно закончить. Поэтому ее делят на три этапа, для каждого из которых установлены несколько основных правил. Начальный этап - уведомление о желании начать ссору.

Средний этап: 1) говори то, что думаешь; 2) реагируй и критикуй. Конечный этап: 1) признай свои ошибки; 2) найди в другом что-либо хорошее. Конечный этап ссоры сопровождается включением сигнала, который предупреждает говорящего, что он исчерпал лимит времени и располагает еще лишь несколькими минутами, чтобы удачно завершить свое выступление.

Самое важное на конечном этапе ссоры - сделать шаг назад, протянуть руку для примирения и дать другому возможность достойно отступить. Заканчивая ссору, целесообразно использовать некоторые элементы супружеской тактики Карнеги. Каждый из партнеров должен постараться признать свои ошибки, понять позицию другого, убедиться, что тот не думает о нем плохо, а по возможности попросить о примирении и попытаться исправиться. Каждый должен также, учитывая критические замечания, высказанные на среднем этапе ссоры, оценить партнера, похвалить его за что-либо, что заслуживает похвалы.

С.Кратохвил предложил для оценки стиля и результативности ссоры оценочный формуляр, в котором делают отметки оба ее участника. За каждый раздел можно получить -1 или +1 балл, и таким образом окончательный результат будет находиться в диапазоне от -4 до +4 баллов. При оценке результатов ссоры подсчитываются очки для каждого участника отдельно, окончательный результат, получаемый суммированием баллов, может достигать значения от -8 до +8.

Завершает проводимый нами коммуникационный тренинг заключительный этап, задачами которого являются закрепление и поддержка выработанного оптимального общения супругов.

Двухлетнее наблюдение супружеских пар после коммуникационного тренинга по описанной методике позволило установить, что стойкое улучшение взаимоотношений и восстановление супружеской гармонии было достигнуто у 76 ± 6 % супружеских пар. Этот результат дает основание считать данный метод высоко эффективным при коммуникативной форме супружеской дезадаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carnegie D. Jak získavat přátele a působit na lidi. - Praha: Orbis, 1939. - 235 S.
2. Ликсон Ч. Конфликт. Семь шагов к миру. - СПб.: Питер - Паблишинг, 1997. - 160 с.
3. Кратохвил С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний. - М.: Медицина, 1991. - 335 с.

Надійшла до редакції 11.10.2000 г.

Т.В.Сергєєва

Екзистенціальна модель навчання

Модель побудована на основі концепції психологического механизма развития, представленного как системы, стремящейся к равновесию. Синергический эффект, возникающий в результате взаимодействия компонентов системы, обеспечивает непрерывность процесса развития. Система охватывает личностные смыслы, ресурсы и среду развития. Наибольшая эффективность обеспечивается на уровне развития смыслов посредством техники сдвига парадигмы.

У сучасних умовах відбувається зсув традиційних парадигми в соціумі, в освіті й у житті конкретної людини. Формуються нові погляди, нові ставлення, новий характер взаємодій. Традиційні соціальні й екзистенціальні орієнтації виявляються неефективними в умовах швидко мінливого суспільства. Система взаємовідносин "особистість - соціум" знаходиться в розбалансованому стані. Прагнення до демократичного перетворення традиційно тоталітарного суспільства докорінно змінює вектор розвитку всієї системи від людини. Ця тенденція потребує перегляду існуючої системи освіти і зміни її парадигми адаптації до соціуму на парадигму синергійної взаємодії "особистості - освіти - соціуму".

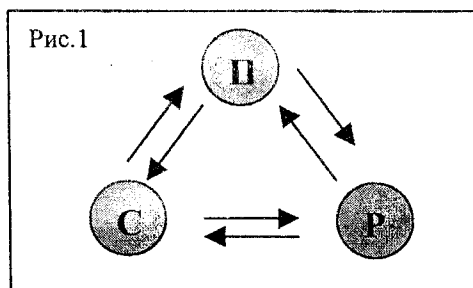
Завдання ускладнюється тим, що традиційні методологічні основи нашої освіти закладалися в умовах колективістської культури і конфліктологічної доктрини. Виникла соціальна потреба у вихованні людини іншого типу. Фахова компетентність припускає сьогодні не тільки наявність необхідних знань, умінь і навичок, але і здібності до самостійного розвитку спонтанно з темпами розвитку високотехнологічного суспільства, що швидко розвивається. Соціальна компетентність уже не задовольняється адаптацією до існуючих умов і делегуванням відповідальності державним інститутам, а потребує проактивної позиції суб'єкту розвитку соціуму (як умови власного розвитку), здатного до прийняття самостійних рішень і, як слідство, відповідальності за свою власну долю. Екзистенціальна компетентність відхиляє колишні якості непримиренного борця за принципи, і припускає розвиток здібності до синергійної взаємодії на основі емпатичного (або, принаймні, толерантного) ставлення до інших і до світу в цілому.

Людина стає іншою. Саме життя жадає від неї змін. Існуюча система освіти, традиційно орієнтована на соціальне замовлення, обмежує свою реакцію на ситуацію відкриттям нових фактів. Якісно нової концепції гармонійного

розвитку особистості в умовах вузівського навчання не існує. У кращому випадку робляться спроби відродити давню, що абсолютизує соціальні пріоритети, систему виховання, до якої приклеюють нові терміни "гуманізації і гуманітаризації", не змінюючи нічого по суті.

Ми пропонуємо концепцію гуманістичного саморозвитку, реалізовану як навчальну технологію, у якій робиться спроба цілеспрямованого розвитку фахової, соціальної й екзистенціальної компетентності студентів, у самому процесі освоєння конкретних предметів. У рамках Гуманістичної Технології Саморозвитку (ГТСР) реалізується концепція когнітивного виховання на основі Екзистенціальної Моделі Розвитку (ЕМР).

ЕМР побудована на основі уявлення про психологічний механізм розвитку як системи, що прагне до рівноваги, яка у силу синергійного ефекту, що виникає як результат взаємодії її компонентів, забезпечує безперервність процесу розвитку (див. Рис. 1). У ролі компонентів цієї системи виступають особистості змісти (потреби) (П), ресурси (Р) і умови (середовище) (С) їхньої реалізації, що знаходяться в стані дисбалансу.

Смисли і ресурси належать до внутрішніх факторів, середовище - до зовнішніх. Смисли спрямовані в майбутнє, ресурси - результат минулого, середовище - умови дійсного. У силу закону розвитку, якщо один із компонентів системи порушує рівновагу, система прагне до її відновлення. Цей процес є динамічним, оскільки за рахунок синергійного ефекту відбувається синхронний нерівномірний розвиток всіх елементів, що знову породжує ситуацію дисбалансу і робить процес безупинним. Якщо процес розвитку зупиняється, існування системи втрачає сенс.

Тут немає протиріччя між гомеостазом і теростазом. Це - дві стадії одного процесу, що рівною мірою важливі для розвитку, оскільки без напруги нема рації в прагненні до рівноваги, а без рівноваги неможливо виникнення прагнення її порушити. У першому випадку рухає прагнення до відновлення балансу, у другому до розвитку, але і те й інше стимулює до розвитку, оскільки в розвитку ж і досягається. Шлях до гомеостазу - це шлях до обрію.

Тип розвитку визначається як засобом відновлення рівноваги, так і моментом, що викликає ситуацію дисбалансу. Причому можливі два напрямки розвитку системи:

1. традиційний, орієнтований на соціум - від умов через розвиток ресурсів, що припускає, але не гарантує розвиток особистостних смислів;
2. орієнтований на людину - від умов через розвиток особистостних смислів до розвитку ресурсів.

При традиційному функціонуванні системи (проти годинної стрілки):

- середовище (С) виявляється у стані дисбалансу стосовно ресурсів (Р), тобто наявні ресурси не задовольняють існуючим умовам. Створюється ситуація гетеростазу, що може бути розв'язана на шляху до гомеостазу через розвиток ресурсів (Р);
- розвитку ресурси (Р) створюють умови для виникнення нових смислів (П), що знову може викликати ситуацію гетеростазу, яка розв'язується на шляху до гомеостазу через розвиток смислів (П).
- розвинені смисли (П) виявляються в становищі дисбалансу стосовно умов (С), що з самого початку ввели в дію увесь процес. Ситуація гетеростазу, що створилася знову, розв'язується на шляху до гомеостазу через розвиток середовища. Таким чином, процес починається знову, але вже на іншому рівні.

Більш логічний із психологічної точки зору є стратегія розвитку системи по годинній стрілці від умов до ресурсів через смисли:

середовище (С) виявляється в стані дисбалансу стосовно смислів (П), тобто суспільна значимість розвитку, не збігається з особистостними смислами цього розвитку, створюється ситуація гетеростазу, що може бути розв'язана на шляху до гомеостазу за допомогою розвитку смислів (П);

розвинені смисли (П) виявляються у стані дисбалансу стосовно ресурсів (Р), тобто потреба в розвитку ресурсів виникає як умова задоволення смислів. Створена ситуація гетеростазу може бути розв'язана за допомогою розвитку ресурсів (Р);

розвинені ресурси (Р) виявляються у стані дисбалансу стосовно середовища (С), тобто розвинені ресурси більше потреб середовища, створена ситуація гетеростазу може бути розв'язана за допомогою розвитку середовища (С).

На нашу думку, найбільше ефективним є функціонування системи в обох напрямках, оскільки в першому варіанті розвиток смислів

через збагачення ресурсів гарантує більш стійку тенденцію до розвитку зсередини, чим стимулювання розвитку смислів за допомогою зовнішніх умов. А в другому варіанті розвиток ресурсів через смисли зсередини, також створює більш стійку тенденцію до розвитку, чим стимулювання розвитку ресурсів зовні за допомогою умов. У такому двонаправленому розвитку від смислів до ресурсів і від ресурсів до смислів особистість піднімається над ситуацією і формується тип особистості здатної до саморозвитку, автономної, проактивної, орієнтованої на самореалізацію. Така спроможність піднятися над ситуацією є важливою умовою духовного розвитку, який реалізується як проактивне ставлення до світу на основі емпатії.

При цьому роль середовища якісно змінюється, спочатку воно виступає як зовнішній початок, що спонукає. Суспільна значимість розвитку середовища далеко не завжди збігається з особистостними смислами тих, хто залучається до його розвитку. Проте, у міру усвідомлення середовища умовою власного розвитку, воно стає для суб'єкта метою розвитку. Тобто його розвиток стає особистісно значущим для суб'єкта як умова власного розвитку.

У цьому процесі з'єднується теперішнє - майбутнє - минуле, оскільки аналіз дійсних умов пропущений через майбутній бажаний результат потребує перегляду ресурсів, накопичених у рамках минулого досвіду. На цій основі формується новий досвід дійсного, що створює нові можливості в цьому дійсному і для розвитку в майбутньому з тим, щоб це дійсне мало сенс.

Таким чином, ефективність процесу залежить від ступеня активізації взаємодії компонентів системи. Найбільше ефективним в плані розвитку є стан системи, при якому активізуються двонаправлені зв'язки усіх компонентів: середовище (умови) через смисли впливає на розвиток таких ресурсів, що створюють передумови для розвитку якісно нових смислів, спрямованих на розвиток середовища як умови розвитку ресурсів, і таким чином ресурси розвивають середовище. Процес ще більш інтенсифікується, якщо середовище не тільки впливає на смисли, але і створює умови для розвитку ресурсів.

Увесь процес розвитку будується на основі ідеї синергійної взаємодії "людина - середовище". У рамках навчання це "студент - навчальне середовище". Той, якого навчають, є суб'єктом власного розвитку, що здійснюється в результаті його взаємодії з навчальним середовищем. У процесі розвитку особистостних ресурсів із метою задоволення особистостних смислів він усвідомлює залежність ефективно-

сті цього процесу від умов навчального середовища, оскільки в нього є вибір серед декількох можливостей, тобто він може вибрати ту стратегію розвитку і, відповідно, умови, що найбільше імпонує як його ресурсам, так і цілям. Він самий формує середовище власного розвитку з орієнтацією на власні смисли на основі відстежування ходу і результатів ефективності процесу розвитку. Розвиваючи себе, він розвиває середовище. Розвиваючи середовище, він створює нові умови для власного розвитку. Такий рівень взаємодії робить середовище динамічно рухливим, воно розвивається. Студент самий формує предмет відповідно до індивідуальних цілей і можливостей на основі індивідуальних смислів. Розвиток смислів веде до розвитку цілей, до пошуку нових стратегій, до розвитку умов, що дозволяють розвинути нові можливості, що у свою чергу служать передумовою розвитку нових смислів і процес взаємного розвитку студента і навчального середовища запускається знову.

Для прогнозування перспективи розвитку можна врахувати психологічний тип людини, але врахувати всі можливі ситуації і взаємодії практично неможливо. Ми припустили, що в реальному житті людина орієнтується не стільки на ситуацію, скільки на можливість реалізації особистісно значимих смислів у наявній ситуації. Тому проблемне навчання, орієнтоване на стандартні ситуації, має істотні обмеження. Більш перспективна в цьому плані орієнтація на особистісні смисли студентів, і суспільно значимі стратегії, що дозволяють їх реалізувати. Причому доцільніше ввести стратегії не через конкретні ситуації, а через особистісні смисли студентів, оформлені у вигляді цілей розвитку конкретних знань, умінь, навичок, здібностей і особистісних якостей. При цьому, це повинні бути не готові стратегії, що дозволяють розв'язати проблему в конкретній ситуації, а універсальні стратегії пошуку принципу рішення на основі аналізу смислів, цілей, внутрішніх і зовнішніх ресурсів і ситуації. Такий метакогнітивний підхід дозволяє знаходити рішення в будь-якій ситуації, а орієнтація на особистісний смисл гарантує стратегічну перспективність такого рішення для розвитку самої особистості.

Таким чином, у рамках ГТРС розвиток здійснюється на рівні смислів на основі усвідомлення їхнього взаємозв'язку з особистісними ресурсами (компетентністю й особистісними якостями) і умовами реалізації цих ресурсів. У процесі пошуку найбільше ефективних стратегій розвитку власних ресурсів для задоволення особистісних смислів студенти, спостерігаючи ход власного розвитку й оці-

нюючи його результати, приходять до усвідомлення своєї ролі суб'єкта розвитку навчального середовища як умови власного розвитку. Особистісні смисли розвиваються в процесі освоєння нових стратегій, розвитку нових ресурсів, що створюють умови для розвитку нових смислів. Смисли от рівня вузько фахових, розвиваються до рівня соціальних і загальнолюдських, що стають екзистенціальними смислами.

У психологічному плані на рівні конкретної особистості ефективний комплексний розвиток забезпечується в умовах усвідомлення індивідом власної ролі суб'єкта розвитку середовища як умови власного розвитку. Таке усвідомлення сприяє злиттю особистісних смислів із суспільною значимістю розвитку, новій якості взаємодії зі світом, другими. Вихід за межі власного "Я" з одночасним усвідомленням своєї ролі і відповідальності як суб'єкта розвитку є необхідною умовою духовного розвитку особистості. Орієнтування на розвиток у рамках духовної парадигми створює реальні передумови безупинного гармонійного комплексного розвитку особистості: інтелектуального, вольового й емоційного.

Розвиток смислів відбувається на основі психологічного механізму зсуву парадигми, що забезпечується за рахунок організації умов, у рамках яких студенти, усвідомлюють неспроможність власного досвіду для досягнення цілей, здатних задовольнити особистісні смисли. На основі вільного вибору (як слідство - прийняття на себе відповідальності за власне рішення) індивід вибирає оптимальну для власних можливостей і досягнення цілей стратегію розвитку і перевіряє її ефективність у різноманітних ситуаціях. У випадку повторюваного успіху стратегія закріплюється в досвіді, її часте використання веде до розвитку особистісних ресурсів, що у свою чергу створює умови для розвитку нових смислів, що витіснюють старі, тобто відбувається зсув парадигми.

Істотним моментом цього процесу є наявність можливості вільного вибору, що виявляється умовою природного розвитку особистості. Здібність здійснювати вибір визначає екзистенціальну ефективність людини, а зміст вибору визначає не тільки успішність існування, але і загальну спрямованість особистості, його долю. У життя ми постійно робимо вибір. Парадоксальним є той факт, що в освіті, що самим своїм призначенням зобов'язана готувати людину до ефективного функціонування в реальних життєвих умовах, виборі немає місця. Вже знайдені, готові рішення, що необхідно засвоїти, змушують працювати зовсім не ті

психологічні механізми, що частіше усього потрібні людині в реальних життєвих ситуаціях.

Значимість психологічного механізму вибору полягає в тому, що створюється ситуація що запускає певний тип розумових дій, що у реальному житті в значного ступеня визначають ефективність професійного, соціального й екзистенціального функціонування особистості. Здібність приймати рішення не може бути розвинена інакше, чим на основі свободи вибору. Ситуація свободи вибору запускає якісно інші психологічні механізми, що є умовами сутнісного розвитку особистості в рамках власної індивідуальності.

Ефективність усього процесу розвитку задається первісним стратегічним смисловим орієнтуванням особистості. У пошуках екзистенціального змісту такого орієнтування ми припустили, що безумовною цінністю для усіх є саме життя. Все інше випливає з цього. Відрізняємося ми за рівнем розуміння якості життя. Це власне і виявляється змістом первісного стратегічного екзистенціального орієнтування, що і визначає потенціал нашого розвитку. Якість життя знаходиться в прямій залежності от рівня розвитку самої особистості, що первісно задається широтою екзистенціального орієнтування людини. Задача освіти задати екзистенціальне орієнтування такого рівня, який би забезпечив безупинний цілеспрямований процес розвитку людини протягом усього життя. У рамках такого орієнтування самий процес розвитку зтягує настільки, що стає смислом самого життя і з'єднується з ціллю, тобто життя і розвиток зливаються в єдності, одне припускає інше і не мислиться без нього. Таке орієнтування можливе якщо його змістом виступлять загальнолюдські духовні цінності, що будуть усвідомлені як особистісно значимі, тобто будуть інтегровані в уявлення про якість власного життя.

Нами зроблена спроба організувати процес комплексного розвитку особистості на основі формування первісного екзистенціального орієнтування на таку якість життя, яке б припускало в ролі основного критерію оцінки цієї якості можливість власного розвитку, тобто усвідомлення розвитку сенсом існування.

На основі перерахованих положень щодо психологічних закономірностей процесу розвитку розроблена екзистенціальна модель навчання, що припускає комплексний гармонійний розвиток студентів, на основі природних психологічних особливостей індивіда, по самій своїй природі схильного до розвитку. Така модель реалізована як інтерактивний комп'ютерний курс навчання, що має гнучку модуль-

ну структуру, компоненти якого можуть бути інтегровані в будь-який предметний курс, із цілей підвищення його розвиваючої ефективності.

Надійшла до редакції 23.10.2000г.

И.М.Соколова

Роль социально-психологических детерминант и особенности их взаимодействия в процессе адаптации студентов

В статті наведені результати аналізу рівня соціально-психологічної адаптації студентів обох статей на першому курсі та його зміни до другого курсу при масовому дослідженні, а також ролі та взаємовідносин соціально-психологічних детермінант процесу адаптації студентів, що дає можливість проведення соціальної та психологічної профілактики та попередження виникнення зриву адаптації у студентів перших років навчання.

Происходящие в обществе социально-политические и экономические изменения приводят к возникновению проблем в жизни каждого человека, что несомненно негативно сказывается и на молодежи студенческого возраста. По результатам исследований, проведенных учеными в 1997-1999 годах, в школу поступило больных детей в 2 раза больше, чем в 1980 году. И, если относительно здоровыми можно считать 30% первоклассников, то к завершению школьного курса здоровыми считаются не более 6% выпускников.

Известно, что стрессогенные социальные условия жизни и обучения студентов играют важную роль в развитии различных психических и психофизиологических расстройств, нарушении психологического здоровья

[1,2,6]. В исследованиях отечественных и зарубежных авторов обнаруживается существенная связь между стрессогенными социально-психологическими факторами и различного вида психологических, психических и соматических нарушений [2,3,8,9,10].

В отечественной психологии особое внимание уделялось вопросам влияния стрессогенных факторов на работоспособность и надежность профессиональной деятельности человека. Однако чаще исследователей интересовал преимущественно анализ его реакций на стресс, вызываемый внешними факторами среды, как основное условие профессиональной деятельности [1, 2]. Но несмотря на боль-

шое количество исследований в этой области, многие вопросы остались без ответов и даже само существование этиологической взаимосвязи между социальными условиями и их психологическими последствиями для здорового человека подтверждено только вероятно.

Другая нерешенная проблема - индивидуальная вариабельность реакций на стресс. Чаще исследователи интересуются, почему одни и те же условия могут быть для одних стрессогенными, а для других нет, чем обусловлены эти различия, с какими личностными, психологическими или психофизиологическими особенностями это связано.

Актуальность этих проблем не вызывает сомнения, но только в последние годы систематически изучаются внутренние и внешние причины подобных связей, т.к. системный подход предполагает необходимость, как писал Б.Ф.Ломов, изучения не только самого явления, но, что особенно важно, системы детерминант, вызывающих, усиливающих или преодолевающих негативные явления, «смены детерминант, а вместе с тем и смены системных оснований психических качеств» [4, с.102].

С этой точки зрения исследование наличия уровня психологической адаптации студентов к учебной деятельности, как и исследование их потенциальных адаптационных ресурсов, взаимодействия внутренних и внешних детерминант этого процесса дает возможность адекватно решать вопросы социальной и психологической профилактики возникновения предболезненных психосоматических расстройств и предупреждения срыва адаптации.

С целью изучения роли и взаимоотношений социально-психологических детерминант процесса адаптации студентов к обучению в вузе на базе харьковского Медицинского университета было обследовано 1320 студентов обоего пола в возрасте 18 - 24 лет, обучающихся на первом и втором курсах. Оценка социально-психологических условий жизни и обучения студентов осуществлялась на основе использования модифицированной нами методики «Анкета анамнестического исследования» [2], которая состоит из 91 вопроса, которые объединены в отдельные блоки вопросов и оценивают - конфликтность в семье, неудовлетворенность жилищными условиями, нарушение питания, несоблюдение распорядка дня, нарушения сна, умственное переутомление, состояние нервной и сердечно-сосудистой систем, желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), начальные проявления недостаточности кровообращения мозга (НПКМ), проявляющиеся головными болями, головокружением и т.д.,

самооценка здоровья и другие показатели. Обработка результатов проводилась с помощью метода корреляционного анализа. Данные установленных корреляционных взаимосвязей для студентов мужского и женского пола на первом и втором курсах анализировались по проценту коррелируемых пар показателей, имеющих значение коэффициента корреляции свыше 0.37.

Приведем краткий анализ корреляционных взаимосвязей (корреляционная матрица) между исследуемыми социально-психологическими факторами по их количеству, направлению и силе взаимосвязи.

В начале обучения взаимодействие социально-психологических условий жизни и обучения для студентов мужского и женского пола имеет как общие черты, так и качественные различия. Общим является то, что на первом курсе и у студентов и у студенток минимально выражены такие факторы как нарушение сна и ЖКТ (не выше 34% и 14% для женщин и 40% и 40% для мужчин от общего количества коррелируемых пар соответственно), практически не выражено влияние таких факторов, как неудовлетворенность семейной жизнью и курение. Вместе с тем, такое же положение сохраняется для женщин по факторам наличия вредных привычек и удовлетворенностью занятиями спортом (соответственно не выше 34% и 38%). Для студентов же мужского пола уже на первом курсе наличие вредных привычек в 50% случаев положительно коррелирует с показателями утомления и общей самооценкой здоровья, а удовлетворенность занятиями спортом в 50% случаев взаимосвязана с расписанием дня.

Установлено, что, на первом курсе в 100% случаев для студенток и в 90% случаев для студентов увеличение признаков утомления в процессе обучения связано с увеличением признаков начального проявления недостаточности мозгового кровообращения (НПКМ). Такая сильная взаимосвязь сохраняется у студенток ко второму курсу, а у студентов снижается до 80%.

Обнаружено, что выраженность такого фактора как нарушение учебной адаптации на первом курсе у студенток связана с жилищными проблемами (48%), нарушением распорядка дня (53%), а так же с проявлением общего утомления (95%), нарастанием признаков НПКМ (71%) и увеличением жалоб со стороны нервной (48%) и сердечно-сосудистой системой (62%). Для студентов фактор нарушения учебной адаптации менее сильно выражен по количеству коррелируемых пар по сравнению с женщинами и связан с неправильным питанием (50%), проявлением обще-

то утомления (70%) и нарастанием признаков НПНМК (50%).

На общей самооценке здоровья для студенток в первую очередь сказывается неудовлетворительная учебная адаптация (81%), признаки утомления (71%), наличие НПНМК (86%) и количество жалоб на состояние сердечно-сосудистой системы (62%). Для студентов ухудшение самооценки здоровья связано с нарастанием признаков утомления (70%), наличием НПНМК (60%).

Из приведенного анализа нетрудно заметить, что оценка общего неудовлетворительного состояния своего здоровья и учебной адаптации у студенток на первом курсе зависит от большего числа факторов, чем у студентов.

Анализ взаимодействия социально-психологических детерминант жизни и обучения студентов мужского и женского пола на втором курсе показал следующее. Возрастает влияние таких факторов как семейная жизнь и курение. Причем, у студенток фактор неудовлетворенности семейной жизнью положительно коррелирует с факторами умственного утомления и общей самооценкой здоровья ($r=0,47$, $r=0,53$). Это свидетельствует о том, что, чем больше неудовлетворенность семейной жизнью, тем, соответственно, выраженнее признаки умственного утомления (77%) и ухудшение самооценки здоровья (55%). Неудовлетворенность студентами семейной жизнью положительно коррелирует с фактором питания (60%), курения (60%) и нарушением учебной адаптации (80%). Необходимо отметить общее увеличение взимодействующих факторов как для мужчин, так и для женщин, т.е. значительное ужесточение корреляционной матрицы. Это подтверждает и исследование направления влияния социальных (семья, питание и т.д.) факторов и психологических (нарушение сна, умственное утомление и т.д.) в их количественном отношении. Так, на первом курсе для студенток количество случаев влияния социальных и психологических факторов на другие показатели, соответственно, 33% и 60% случаев, а для студентов - 26% и 33% случаев. Следовательно, на адаптацию студенток оказывает преобладающее влияние психологические внутренние факторы (60%), а на адаптацию студентов влияние внешних и внутренних детерминант менее выражено. На втором курсе 64% случаев влияния социальных факторов и 64% случаев влияния психологических факторов для студенток. В то время как для студентов влияние социальных факторов возрастает до 91% случаев, а психологических - до 75% от общего количества случаев.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что процесс адаптации студентов мужского пола к обучению в вузе детерминирован большим количеством социальных и психологических факторов, чем для студенток. Другими словами, для корреляционной матрицы студентов мужского пола характерна более «жесткая» система структурно-функциональных отношений исследуемых факторов, что свидетельствует о снижении пластичности адаптации и увеличении риска развития психических и соматических расстройств по сравнению со студентками.

Результаты анализа вполне оправдывают закономерный интерес к выявлению факторов повышающих адаптивные возможности студентов, в качестве которых рассматриваются психологические особенности и социальная поддержка как резерв в ежедневном процессе привыкания к новым социально-психологическим условиям жизни и обучения. Основываясь на имеющихся в литературе данных [5,7] можно утверждать, что создание в ВУЗе психологической службы поможет решить многие вопросы, связанные с социально-психологической адаптацией студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдаралиев А.А., Максимов А.Л., Адаптация человека к экстремальным условиям (Опыт прогнозирования). Л.:Наука, 1988.
2. Гавенко В.Л., Бачериков Н.Е. Ранняя диагностика и профилактика психических расстройств про развитии гипертонической болезни, церебрально-сосудистой недостаточности у лиц молодого возраста. Методические рекомендации. - Харьков, 1992. - С.32.
3. Давыдова Л.Е. Адаптивная активность различных социальных групп в условиях социального кризиса / Вестник харьковского университета. - 2000. - №483. - С. 36-39.
4. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука. - 1984.
5. Пейсахов Н.М. Психологическая служба в вузе. / Вестник высшей школы. Казан. ун-т. - 1985. - С.36-54.
6. Полищук Ю.И. Некоторые духовные призмы и предпосылки разрушения психологического здоровья / Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. - 1999. - №8. - С.2-9.
7. Польшин А.К., Жарова Л.В. Психологические особенности адаптации студентов к обучению в ВУЗе. /Вестник Харьковского Нац. Ун-та, серия «Психология», 2000. - №483. - С.141-145.

8. Alexander F. Psychosomatic medicine: its principles and applications. N.Y.: Norton. 1980.
9. Hautzinger M. Die Beziehung kritischer Lebensereigniss zur Depression // Psychol. Schweizer. Zeitschr. Psychol. Anwend. 1984.V. 43. 4. P. 317-330.
10. Rahe R.H. Life change and illness studies: past, event transactions, and future directions // J. Hum. Strees., 1978. V. 4. P. 3-14.

Надійшла до редакції 11.10.2000г.

О.А.Сорокіна

Способи подолання стресових ситуацій хворими на епілепсію

В статье анализируются способы поведения больных эпилепсией в зависимости от типа стрессовой ситуации. В качестве стрессогенных сфер выделены трудовая (учебная) активность, семейные отношения, повседневная жизнь.

Розповсюдженість епілепсії становить 5-10 випадків на 1000 населення. Для України ці дані становлять 8-10 осіб на 1000 населення (6). 74% хворих - це дорослі люди працездатного віку, які стикаються з проблемами у різних сферах своєї життєдіяльності. Водночас з чисто патологічними порушеннями, які викликані хворобою, виникають особистісні захисні та компенсаторні реакції, які впливають на адаптацію хворого. Вони дозволяють знаходитись серед здорових людей, створювати сім'ю та працювати (2, 3)

Досвід подолання хвороби, а також ефективність стратегій поведінки у стресових ситуаціях (4), пов'язаних з хворобою, потребують детального психологічного аналізу. Тому, що від наявності цих стратегій залежить не тільки перебіг хвороби, а і якість життя хворого.

Стратегії подолання стресових ситуацій хворими на епілепсію становить **об'єкт дослідження**.

Предметом виступають особливості стратегій подолання хворими на епілепсію стресових ситуацій, пов'язаних з хворобою.

Метою дослідження є вивчення впливу хвороби на основні сфери життєдіяльності хворих на епілепсію та аналіз індивідуальних стратегій подолання стресових ситуацій, пов'язаних з нею.

Дослідження було проведене серед хворих, які проходять тривале лікування у лікувально-діагностичному науковому центрі "Епілепсія"

Київської міської психоневрологічної лікарні №1.

Було досліджено 53 хворих: 18 жінок (віком від 26 до 53 років, середній -34 роки) та 33 чоловіки (від 20 до 44 років, середній вік 31 рік). За клінічними характеристиками хворі мали діагноз "Епілепсія з вираженими (чи помірними) змінами особистості та помірним інтелектуально-мнестичним зниженням". Етіологія захворювання, тип та частота нападів були різними. На момент обстеження тривалість хвороби становила від 5 до 32 років, вік початку хвороби коливався від 13 до 37 років.

Програма дослідження включала 3 етапи:

1. Експериментальне дослідження актуального стану інтелектуально-мнестичної сфери хворих та ступеню вираження їх характерологічних змін.

2. Співбесіда з хворими у формі напівструктурованого інтерв'ю з метою визначення стресових ситуацій, пов'язаних з хворобою, а також індивідуальної поведінки у цих ситуаціях.

3. Аналіз даних для визначення типових стресових ситуацій, пов'язаних з епілепсією та ефективності способів їх подолання.

Аналіз отриманих даних:

При епілепсії органічне ураження мозку (внаслідок перинатальної патології, нейроінфекції, ЧМТ та інш.) призводить до високої пароксизмальної готовності нервових клітин, обумовлює функціональну недостатність структур головного мозку. Таке порушення нормальної діяльності проявляється у нападах різних типів, стійких змінах в інтелектуально-мнестичній та особистісній сферах хворого на епілепсію. Інтелектуальні зміни полягають у в'язкості мислення, схильності до деталізації, зниженні пам'яті, збідненні словарного запасу. Зміни особистості полягають у стесненості, конфліктності, полярності афектів, поєднанні контрастних рис особистості (брутальності та улесливості).

Слід зазначити, що своєрідне поєднання інтелектуально-мнестичного зниження зі змінами характеру формують особистість хворого на епілепсію. Так інертність психічних процесів, уповільнення темпу мислення сприяють патологічній деталізації. Водночас, зміни характеру, застрягання на негативних почуттях перешкоджають встановленню нових зв'язків та отриманню нового досвіду. В цілому, це призводить до зниження психічної, в тому числі і інтелектуальної активності. Ці процеси тісно пов'язані та мають взаємо посилюючий вплив на формування особистості хворого на епілепсію.

Психічні порушення обумовлюються взаємодією хворого організму з оточуючим середовищем. Значний відбиток на психічний стан

накладають зовнішні фактори, перш за все, соціальні (1).

Хворі зазнають ускладнення у соціальній адаптації не тільки у зв'язку із хворобою, скільки з негативним відношенням до них суспільства. Багато хто з них підпадає під дискримінацію у зв'язку з існуючими законодавчими актами, що обмежують соціальну активність цих хворих.

Епілепсія переживається як важка психотравмуюча подія, тому що вона у більшості хворих впливає на всі сфери життєдіяльності. Особливо, якщо хвороба настає людину у

працездатному віці раптово, після перенесеної травми, інфекції, загального наркозу, навіть пологів.

Проведене дослідження надає можливість виділити типові стресові ситуації, які пов'язані з хворобою та проаналізувати поведінку хворих у цих обставинах (див. Таблицю 1)

Зіставляючи отримані данні з клінічним перебігом захворювання у обстежених хворих можна виділити деякі фактори, які сприяють чи, навпаки, запобігають соціальній адаптації хворих. Умовно їх можна поділити на біологічні (безпосередньо обумовлені хворобою) та

Таблиця 1.

Стрессова ситуація	Емоційне відреагування	Спосіб подолання
Наявність нападів	Страх нападу у присутності сторонніх Страх усунення від навчання чи роботи через напади Страх травми під час нападу Відмова вірити у діагноз Надія, що можна вилікуватися	Звертання до родичів по допомогу Звертання до лікарів (як традиційного так і не традиційного напрямку) Народження дитини Звільнення з роботи за своєю ініціативою Приховування хвороби
ТРУДОВА (УЧБОВА) ДІЯЛЬНІСТЬ		
Звільнення з роботи	Почуття неповноцінності Почуття припиненості Злість на хворобу Почуття безвихідності	Пошук роботи за нижчою кваліфікацією Пошук роботи не по спеціальності Приватна діяльність Залучення до пошуку роботи своїх родичів та знайомих Надомна праця Ретельне виконання нових обов'язків
Перевод на нижчу посаду	Почуття полегшення	
Неможливість закінчити ВУЗ		Пошук підтримки у родичів
Почуття неспроможності		Припинення навчання
СІМЕЙНІ ВІДНОСИНИ		
Страх успадкування хвороби	Шкодування, що одружився	Уважне спостереження за дитиною, її поведінкою, та характером
Необхідність попереджати про хворобу партнера	Нерішучість Страх, що партнер залишить Надія, що партнер погодиться продовжувати відносини	Прохання, щоб про хворобу сказав інший член сім'ї Надання права вибору другому партнеру
Жінка (дівчина) залишає хворого	Важка тривала образа Примирення з точкою зору партнера Почуття неповноцінності Страх встановлення нових відношень	Вживання до алкоголю Звернення по допомогу до рідних Звертання до медичного закладу
Хвороба заважає народити другу дитину	Почуття нестачі сил Почуття нездійснення мрії Сподівання, що можна вилікуватись	Лікування Обговорення проблеми з чоловіком, рідними
Значні матеріальні витрати з сімейного бюджету на ліки	Почуття, що ти обуза для сім'ї	Самостійне зменшення доз Припинення лікування Самостійна заміна на більш дешеві препарати Проходження лікування в стаціонарі
ПОВСЯКДЕННЕ ЖИТТЯ		
Відвідування Компаній	Незручність при привертанні уваги до хворого чи обмежень, пов'язаних з нею	Звуження кола знайомих Відвідування тільки тих, хто знає про хворобу Приховування справжніх причин відмови від алкоголю, табаку та інш.
Заборона керування Автомобілем	Почуття неповноцінності Розуміння небезпеки для себе та оточуючих Нерозуміння небезпеки	Приховування хвороби Відмова від керування
Обмеження у заняттях спортом	Почуття неповноцінності Нестача почуттів досягнень, азарту, ризику Почування себе як фізично хворої людини	Відмова від занять спортом
Поїздки на далекі відстані	Почуття неспроможності Страх нападу у присутності сторонніх	Відмова від користування літаком Обмеження числа поїздок Вирушення в подорож обов'язково з кимось з родичів
Неможливість відпочивати з ночівлею	Страх нападу у присутності сторонніх	Відмова від такого відпочинку Відпочинок з обов'язковим поверненням додому увечері
Неможливість виконувати багато роботи вдома	Почуття втоми, нестачі сил Почуття, що стала поганою господинею	Розподіл обов'язків серед членів родини

соціально-психологічні.

До біологічних можна віднести (1):

- Характер перебігу хвороби (контрольована чи резистентна)

- Тип та частота нападів (наявність тільки нічних чи денних нападів, існування аури перед нападом та інш.)

- Глибина інтелектуально-мнестичних та особистісних змін;

- Вік , у якому почалась хвороба

До соціальних факторів можна віднести:

- Вдалий вибір професії, яка відповідає рисам особистості та перебігу захворювання. Найбільш пристосовані ті хворі, які мають професії канцелярського профілю, працюють в колективі здорових людей та посади яких відповідають їх освітньому рівню.

- Робота, яку можна виконувати вдома, можливість використання гнучкого графіку праці;

- Сприятливий клімат у виробничому колективі;

- Активна допомога з боку сім'ї

До психологічних чинників можна віднести такі:

- Послідовне цілеспрямоване ставлення до лікування, виконання рекомендацій лікаря, дотримання режиму праці та відпочинку;

- Активність особистості у подоланні хвороби, спрямованість на працю, збереження сім'ї, кола друзів та інш.

- Критичність, обізнаність про свою хворобу та можливі зміни, пов'язані з нею. Усвідомлення позитивних (умовно компенсаторних) рис свого характеру (охайність, ретельність, педантичність, бережливість, працелюбність).

- Прагнення до виховання у себе навичок самоконтролю, вміння опановувати себе у конфліктних ситуаціях, що допомагає хворим навіть з вираженими змінами особистості адаптуватися до різних умов життя

- Оволодіння ефективними способами поведінки у різних життєвих ситуаціях.

Окремо слід зазначити вміння перейняти досвід інших хворих у подоланні кризових ситуацій, а також оволодіти стратегіями поведінки, які призводять до продуктивного вирішення скрутних ситуацій, пов'язаних з хворобою.

Існують протилежні точки зору зарубіжних авторів стосовно стратегій подолання хвороби хворими на епілепсію. Так Z.Mirnic et al (5) стверджують, що у таких хворих переважають стратегії, сфокусовані на емоційному переживанні ситуацій, пов'язаних з хворобою, а R.Wohlfarth (7) наполягає на тому, що ці хворі більш спрямовані на діяльне подолання проблеми.

Проведене дослідження показало, що у хворих на епілепсію емоційне відреагування

випереджає поведінкове реагування. Сильні емоційні почуття виникають у разі раптового початку хвороби, тому що хвороба завдає значних перешкод на шляху реалізації життєвих планів та цілей людини. Хвороба впливає на всі сфери життєдіяльності: на роботу, подружні та сімейні стосунки, додає обмежень та ускладнень у повсякденному житті.

У разі поступового перебігу захворювання пристосування до нього теж іде поступово. Так, страх нападу більш сильно переживають хворі, які мають рідкі пароксизми. Ті, які мають часті напади, настільки звикли до них, що подібного страху не відчують.

Якщо ж хвороба почалася ще у дитинстві (внаслідок перенатальної, постнатальної патології, перенесеної інфекції чи травми), то ставши дорослими, хворі вже не так боляче сприймають свою хворобу: вони вже адаптувались до неї, звикли до усіх обмежень та режиму. Ситуація хвороби не є кризовою для них. Немає активної психологічної роботи по подоланню хвороби та пошуку ефективних стратегій поведінки по зменшенню впливу хвороби на життя. Такі хворі, як правило, старанно опікаються своїми батьками. Вони, навіть лікуються "за звичкою".

Заключення:

1. У хворих на епілепсію емоційне відреагування випереджає поведінковому реагуванню.

2. Хворі на епілепсію мають стійку установку на трудову діяльність і використовують широкий спектр стратегій, спрямованих на контроль хвороби:

а) послідовне лікування (консультування) у спеціалізованих медичних закладах;

б) у разі звільнення пошук іншої, навіть менш кваліфікованої роботи;

в) залучання до пошуку роботи знайомих, родичів; пошук надомної праці;

г) спроба компенсувати зниження професійних можливостей ретельністю, добросовісним відношенням до роботи

3. У сімейних відносинах переважають стратегії спільного подолання ситуацій, пов'язаних з хворобою: звертання по допомогу та підтримку до партнера, обговорення з ним важливих питань, інколи перекладання на партнера навіть питань утворення шлюбу чи розлучення. Самі хворі не схильні до розлучень, вони намагаються зберегти сім'ю, дорожать нею, бо розуміють, що не кожна здорова людина зважиться поєднати своє життя з хворим.

4. У стресових ситуаціях повсякденного життя переважають стратегії приховування хвороби: обмеження кола знайомих, уникання відпочинку в санаторіях, на морі, туристичних мандрівок та інш.; урахування способів пере-

сування (у супроводі родичів, на невеликій відстані).

Аналізуючи визначені стратегії можна покласти серед них ефективні, які сприяють полегшенню руйнівного впливу хвороби на життя хворого на епілепсію, поширюють його взаємодію з оточуючими, допомагають збереженню працездатності.

До непродуктивних стратегій, таких, що провокують поглиблення психічного дефекту та ускладнюють життя хворого можна віднести вживання алкоголю, припинення прийому ліків, значне порушення режиму життєдіяльності. Такі заходи погіршують перебіг епілепсії і в кінці кінців залишають людину з такою важкою хворобою як епілепсія сам на сам.

Подальше дослідження планується вести у напрямку вивчення зв'язку між індивідуальними особливостями хворих та способами подолання стресових ситуацій, обумовлених хворобою. Особлива увага приділяється також розробці методів корекції непродуктивних стратегій подолання життєвих обставин, пов'язаних з хворобою.

ЛІТЕРАТУРА

1. Болдырев А.И. Социальный аспект больных эпилепсией.- М.: Медицина, 1997,- 284с.
2. Громов С.А. Реабилитация больных эпилепсией.- Л.: Медицина, 1987-197с.
3. Кабанов М.М. Реабилитация психически больных.- М.: Медицина, 1985-232с.
4. Нартова-Бочавер С.К. "Coping behavior" в системе понятий психологии личности // Психологический журнал.- 1997.- №5.- С.20-30.
5. Z. Mirnics, J. Bekes, P. Halasz Quality of Life and Coping with Epilepsy// Epilepsia, vol.40, suppl.2, 1999, p.183
6. Mouzitchouk L., Selukov G., Shapiro B. State and Perspectives of Epileptology in Ukraine // Epilepsia, vol.40, suppl.2, 1999, p.109
7. Wohlfarth R. Coping with Illness by Patient with Epilepsy: Relationships to Psychological Distress and Quality of life.// Epilepsia, vol.40, suppl.2, 1999, p.184.

Надійшла до редакції 11.10.2000г.

О.Г.Сторчак

Влияние личностных смыслов на процесс обучения на сознательном уровне

Індивідуальні смисли формуються у процесі зовнішньої та внутрішньої діяльності суб'єкта. Вони безпосередньо впливають на хід мислення та навчання. Індивідуальні смисли, на нашу думку, виконують слідуючі функції: вони націлюють увагу суб'єкта на певну ділянку інформаційного поля та обмежують ту зону інформаційного поля, яка може бути задіяна у процесі вирішення задачі. Успішний хід навчання залежить від того, як формуються, актуалізуються та використовуються індивідуальні смисли.

В процессе обучения мы нередко сталкиваемся с ситуацией, когда субъект (обучаемый) неадекватно, с нашей точки зрения, воспринимает поставленную перед ним задачу. Иногда, субъект начинает решать задачу с энтузиазмом, а, иногда, преподавателю приходится применять специальные приемы, чтобы вовлечь субъекта в процесс обучения. Можно констатировать, что один и тот же субъект, при прочих равных условиях, на одном уроке внимателен и восприимчив к получению знаний, а на другом уроке он ищет себе занятие более интересное, чем усвоение излагаемого материала. В чем же причина такой смены активности субъекта в процессе обучения?

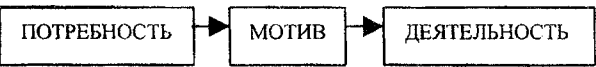
Несомненно, существует множество факторов, влияющих на повышение степени участия субъекта в процессе обучения. Мы остановимся на рассмотрении вопроса влияния личностных смыслов на протекание процесса обучения. Если мотив деятельности можно образно сравнить с тем переключателем, который подает напряжение в электрическую схему триода, то личностный смысл можно уподобить управляющей сетке триода, которая регулирует силу тока, протекающего в схеме.

Прежде всего, рассмотрим место личностного смысла в структурной схеме «Субъект-Деятельность-Объект» (С-Д-О). Процесс обучения протекает по данной схеме, т.е. взаимодействие субъекта и объекта (под объектом, в данном случае, мы понимаем предмет или содержание обучения) опосредовано внешней субъектно-объектной деятельностью. «В деятельности и происходит переход объекта в его субъективную форму, в образ... Взятая с этой стороны, деятельность выступает как процесс, в котором осуществляются взаимопереходы между полюсами «субъект-объект» (Леонтьев А.Н., 1975; 1; с.81).

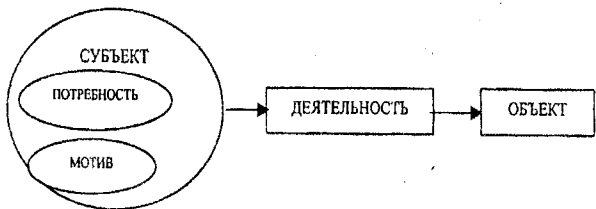
На ход этого процесса оказывает влияние ряд внешних и внутренних факторов:

- мотивы и личностные смыслы субъекта;
- готовность субъекта к обучению;
- условия внешней среды и т.д.

Деятельность инициируется потребностью, как это представлено в следующей структурной схеме:

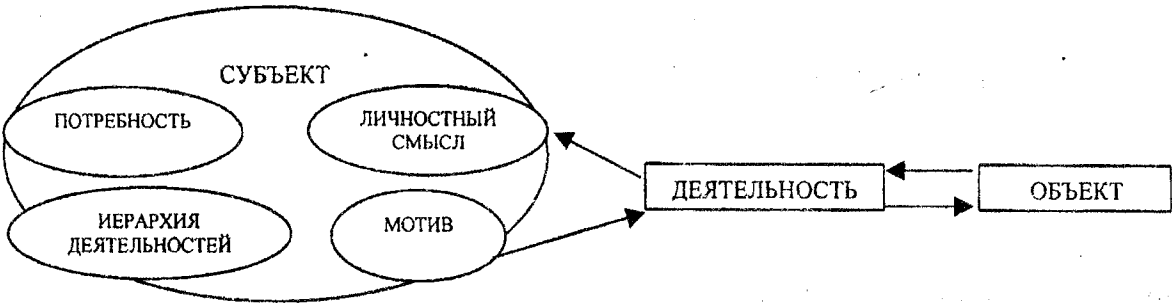
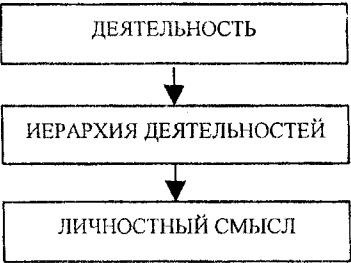

Однако, потребность и мотив являются компонентами, характеризующими внутреннюю структуру субъекта. Следовательно, вышеупомянутую схему можно преобразовать следующим образом, представив и потребность, и мотив в структуре субъекта:

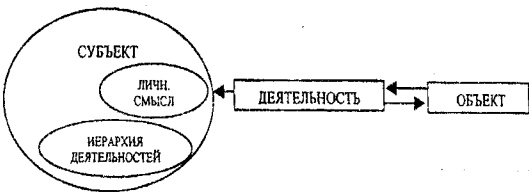
Структурная схема «С-Д-О», которая учитывает два компонента структуры субъекта

Совокупность деятельностей не является простой аддитивной последовательностью, т.е. не является арифметической суммой. Между различными видами деятельностей возникает некое синергетическое взаимодействие, поскольку с возрастанием деятельностной активности увеличивается количество и качество факторов, влияющих на поведение субъекта. Это приводит к формированию иерархии деятельностей, личностных смыслов и выделению доминанты поведения в психологическом мире субъекта. Представим данную структуру схематично:

Расширенная структурная схема «С-О-Д»

Подставим данную последовательность в схему «С-Д-О».

Структурная схема «С-Д-О», отражающая компонент Личностного Смысла

Таким образом, формирование личностного смысла у субъекта происходит благодаря активности самого субъекта.

Объединив вышеупомянутые схемы, мы получим расширенную схему взаимодействия между субъектом и объектом (внизу).

Объект, отражаясь в сознании, не обязательно сознается субъектом. «Воспринимаемое и осознаваемое содержание прямо не совпадают». (Леонтьев А.Н., 1975; 1; с.245)

Содержание предмета может сознаться при условии, что он включен в деятельность субъекта (внутреннюю или внешнюю) и является объектом сознания субъекта. Только такая активность субъекта по отношению к объекту способна создать актуально осознаваемое отношение между субъектом и объектом. Следовательно, введение актуального предмета (ЧТО?) в сознание зависит от активности или способа деятельности субъекта (КАК?).

Мы рассматриваем личностный смысл как механизм, который позволяет первоначально направить зону внимания субъекта, и расширить или сократить до некоторых пределов зону поиска субъекта, поскольку вся информация не может быть охвачена зоной внимания одновременно. Под зоной внимания понимается некоторый участок сознания субъекта, который можно охватить сразу без сканирования сознания. Мы полагаем, что вся наличная в памяти информация может быть активирована и просмотрена субъектом только последовательно; но одновременно можно охватить та-

кой объем информации, какой позволяет зона внимания, т.е. ровно столько, сколько зона внимания способна вместить одномоментно. В дальнейшем, эта зона может перемещаться в информационном поле сознания, но первоначальная направленность внимания обусловлена, по нашему мнению, именно фактором личностного смысла. Однако, личностный смысл выполняет еще одну функцию - он задает объем той области информационного поля, в пределах которой целесообразно, с точки зрения субъекта, производить работу, т.е. просмотр и последующую обработку информации. Таким образом, мы можем говорить о рационально-иррациональном характере влияния личностного смысла на субъекта. Рациональный характер влияния личностного смысла состоит в том, что внимание субъекта первоначально направляется на наиболее значимую для субъекта часть информационного поля. Иррациональный характер личностного смысла выражается в том факте, что личностный смысл учитывает лишь некоторые факторы, влияющие на протекание процесса мышления, и, возможно, не наиболее существенные для решения данной проблемы.

Случайность выбора первоначальной зоны внимания и иррациональная ограниченность (сокращенность) объема мыслительной деятельности позволяет сформулировать два принципа, на базе которых можно основывать выбор личностного смысла. Первый принцип определяет выбор цели задачи и может быть сформулирован следующим образом: при выборе и постановке задачи необходимо дифференцировать деятельность, связанную с решением данной задачи, выделяя существенные признаки и моменты этой деятельности.

Суть второго принципа состоит в том, что сознательный выбор личностного смысла не должен ограничивать возможности мыслительной деятельности. Например, личностный смысл в обучении для субъекта А заключается в том, чтобы не отставать от остальных студентов в группе. В таком случае, показатели успеваемости лучшего студента в группе ограничивают амбиции студента А, т.е. являются его верхним необходимым пределом. Личностный смысл субъекта В состоит в том, чтобы получать только отличные оценки. Значит, амбиции студента В сводятся к получению отличных отметок... Субъект С исследует предмет или ситуацию. Его амбиции распространяются до пределов его собственных мыслительных и творческих потребностей, возможностей и способностей. В процессе деятельности субъекта С будут расширяться не его ограниченные им же самим представления о необходимых размерах зоны поиска, а его творческие возможности, поскольку субъект С

стремится к удовлетворению своих амбиций и реализации личностных смыслов. Очевидно, что личностный смысл субъекта С подкреплен направленностью субъекта на исследование предмета и обращением этой направленности в практические результаты.

Личностный смысл, который основан на исследовательских амбициях субъекта, может быть реализован посредством использования научно-теоретического мышления при развивающем типе обучения.

Таким образом, личностный смысл, по нашему мнению, является тем механизмом, который в значительной степени определяет протекание мыслительного процесса. Личностный смысл следует нацеливать на исследование предмета, в первую очередь. Реализация этой исследовательской установки может наилучшим образом протекать в процессе использования научно-теоретического типа мышления.

Рубинштейн С.Л. пишет: «В основном у человека не потому те или иные интересы, отношение к окружающему, что у него так или иначе функционирует внимание, а, наоборот, у него так-то работает, на то или иное направляется внимание потому, что у него такое-то отношение к окружающему. Основным, ведущим, определяющим является общее отношение к окружающему, характеризующее личность, ее сознание в целом». (4; с.160)

Личностный смысл является компонентом сознания субъекта, его внутренней составляющей. Представляя сознание индивида, личностный смысл находится в определенном отношении к мотиву деятельности. Поскольку и личностный смысл, и мотив есть понятия психологические, то изменение мотива отражается на личностном смысле и может инициировать изменение личностного смысла опосредовано – через деятельность (см. Расширенную структурную схему С-Д-О).

В нашей структуре субъекта мы отделили отдельное место иерархии деятельностей, имея ввиду, что одна деятельность может находиться в приоритетном положении по отношению к другой. Тем самым мы указываем на различные функции видов деятельности.

Сформировать личностные смыслы в пределах только классной комнаты нам кажется весьма проблематичным делом. «Смыслу не учатся, смысл воспитывается», - пишет Леонтьев А.Н. в книге «Деятельность. Сознание. Личность». Иными словами, при формировании личностных смыслов целесообразно сочетать обучение с воспитанием.

Возможности по выявлению личностных смыслов, характеризующих субъект, весьма ограничены, т.к. и мотив, и личностный смысл могут не быть выражены эксплицитно. Чело-

век может либо не отдавать себе отчета в том, что является его истинным личностным смыслом, либо дискредитировать собственный личностный смысл.

Однако, возможности по выявлению личностного смысла все-таки существуют и в пределах классной комнаты. Эти возможности реализуются посредством создания *проблемной ситуации*. Если субъект вместе с преподавателем участвует в процессе раскрытия личностных смыслов, то субъекту целесообразно использовать кроме «интеллектуальных» поисков личностного смысла свои субъективные ощущения и эмоциональные переживания как подсказки. Проявление эмоций радости, тоски, безразличия может помочь в раскрытии актуальных личностных смыслов, ибо некоторые психологические моменты представлены в сознании именно таким образом и не могут быть выражены иначе.

Личностные смыслы являются, по сути, слепком с личности, которую абстрактно можно представить как совокупность смыслов, взаимодействующих между собой. Одни личностные смыслы исчезают, другие появляются, но непреложным можно считать тот факт, что личностные смыслы постоянно представлены в сознании.

В процессе обучения перед субъектом в той или иной форме ставится задача усвоить некое содержание, знание или некий навык. Под усвоением содержания (знания, навыка) мы подразумеваем способность субъекта воспроизвести суть содержания (знания, навыка) произвольно. Только осознанное содержание (знание, осознанный навык) произвольно воспроизводятся. Следовательно, содержание, знание, навык должны занять некое место в структурной схеме деятельности.

Однако, даже в лучшем случае, включение некоего содержания в структуру деятельности не гарантирует, что мы добьемся желаемого результата. Например, если преподаватель создал благоприятную среду для усвоения содержания задачи, то это еще не означает, что все субъекты усвоят содержание обучения одинаково хорошо.

Содержание, опираясь на мотив, принимает участие в *смыслообразовании*. Данный процесс протекает у обучаемых по-разному в том смысле, что конечный результат у каждого субъекта оригинален. Для одного обучаемого личностный смысл состоит в том, чтобы стать профессионалом, для другого – получить отличную оценку, для третьего – не отстать от других студентов. Следовательно, смыслы обучения разнятся между собой, а вместе с ними и результаты решения задачи. В этом случае неопределима роль преподавателя, который имеет возможность таким образом сфор-

мулировать цель и условия задачи, чтобы направить внимание и усилия субъекта в нужном направлении и добиться стопроцентного результата.

Для нас важно не только проанализировать факт взаимодействия мотива, объекта и личностного смысла, но, учитывая особенности этого взаимодействия, предложить рекомендации, которые можно использовать при разработке методики обучения.

Личностные смыслы характеризуются следующими особенностями:

- динамичный характер формирования личностных смыслов;
- сложность выявления истинных личностных смыслов и мотивов деятельности;
- дискредитация личностных смыслов под влиянием эмоционального состояния;
- устойчивость влияния личностных смыслов на процесс обучения;
- внутренний, психологический характер уже сформированных личностных смыслов;
- сложные иерархические отношения между мотивами, видами деятельности и личностными смыслами.

Мы можем предложить рекомендации по достижению синергии между преподавателем, обучаемым и предметом обучения, опираясь на знание особенностей личностных смыслов.

Проблемные ситуации следует планировать таким образом, чтобы выявлять личностные смыслы и учитывать их влияние.

Вербальное давление на обучаемого с целью формирования личностных смыслов следует свести к минимуму. Преподавателю надо помнить о том, что он имеет дело с человеком, чьи личностные смыслы уже сформированы индивидуально и, зачастую, без его (преподавателя) участия в этом процессе.

Изменение личностных смыслов успешно протекает только в ходе деятельности, как внешней, так и внутренней.

Личностные смыслы целесообразно учитывать наряду с такими факторами, влияющими на процесс обучения, как внимание, память, интерес, мотив.

Леонтьев А.Н. полагает, что «...обучение, приобретаемые знания воспитывают, и этого нельзя недооценивать. Но для того, чтобы знания воспитывали, нужно воспитать отношения к самим знаниям. В этом суть сознательного учения». (1; с.302)

Субъективный образ является пристрастным, т.е. зависит от потребностей, мотивов, личностных смыслов, установок, способностей к запоминанию и эмоций субъекта. Задача преподавателя состоит в том, чтобы использовать этот психологический факт в интересах субъекта.

Цель обучения состоит не только в усвоении знаний, но еще и в формировании позитивного отношения субъекта к реальному и воображаемому мирам вокруг субъекта и внутри него. Такова цель обучения, выраженного в понятиях личностного смысла. В том, как мы обучаемся, и в том, на что направлено наше внимание, есть одно общее начало – это есть результат, последствия предыдущего обучения, в целом, и сформированных личностных смыслов, в частности.

Таким образом, личностные смыслы выполняют две функции: направляют первоначальное внимание субъекта на определенную зону информационного поля и определяют размер просматриваемого участка. Личностные смыслы определяют ход протекания мыслительной деятельности. Личностные смыслы являются продуктом внешней и внутренней деятельности субъекта. Влияние смыслов реализуется посредством выбора стратегий обучения. Задача преподавателя состоит в том, чтобы продемонстрировать обучаемому эффективность одних стратегий и несостоятельность других для конкретного вида деятельности.

Сочетание обучения и воспитания в едином процессе можно осуществить при том условии, что будет решена проблема формирования и учета личностных смыслов в процессе деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
2. Кэрл Э.Изард. Психология эмоций. Питер, 1999.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Питер, 2000.
4. Дэвид Майерс. Социальная психология. Питер, 2000.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психол. Исследования. М.,Л. Соцэкгиз, 1934. 323с.
6. Жан Пиаже. Избранные психол. труды. М., Просвещение, 1969. 659 с.
7. Анна Фрейд. Психология «Я» и защитные механизмы. М., Педагогика-Пресс, 1993.
8. Под общ. ред. Рубинштейна С.Л. Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения. Изд. Академии Наук СССР. М., 1960.
9. Тихомиров О.К. Психология мышления. Изд. Моск. Университ., 1984.
10. Роберт А.Уилсон. Психология эволюции. «Янус». София, 1998.
11. Anita Wenden. Leaner Strategies for Leaner Autonomy.- Prentice Hall, 1991.

Надійшла до редакції 11.10.2000г.

О.Г.Сузікова

Актуальні питання функціонування короткочасної пам'яті при роботі з комп'ютером

Стаття присвячена дослідженням особливостей роботи оперативної короткочасної пам'яті у системах "людина-комп'ютер". Актуальність досліджень визначається загальною комп'ютеризацією професійної діяльності та застосуванням глобальної інформаційної мережі.

Память является базовой функциональной системой, которая обеспечивает выполнение любой деятельности. Какова бы ни была структура выполняемых действий, требуется сохранение усвоенных операций, фиксация целевых установок и т.д. Память непосредственно связана с характером деятельности, с решением игровых, учебных и профессиональных задач.

Изучение проблемы кратковременной памяти представляет большой теоретический и практический интерес. Кратковременная память (КП) является начальным звеном мнемической активности человека, которое во многом определяет протекание процессов долговременной памяти (ДП). Изучение объема, пропускной способности, структуры и механизмов КП является необходимым условием более глубокого раскрытия закономерностей и нахождения условий повышения эффективности всей мнемической активности человека. В деятельности современных специалистов, при быстрых режимах переработки поступающей информации, большая нагрузка падает на кратковременную память. Отсюда необходим поиск оптимальных условий обеспечения надежности работы КП, что требует, в свою очередь, четкого определения количественных и качественных характеристик КП, выявления ее операционного состава, изучения индивидуальных различий в работе КП для профотбора и т.д. Именно в силу этих обстоятельств, КП стала объектом усиленного экспериментального изучения со стороны специалистов-психологов.

В настоящее время особое внимание в исследованиях кратковременной памяти привлекают такие ее показатели, как: количественная характеристика (объем КП, пропускная способность, оптимальные условия предъявления информации), качественный отбор информации в КП, этапы переработки информации в КП и ее функциональные механизмы, модели КП, взаимодействие КП и ДП, индивидуальные особенности функционирования КП. Указанные аспекты исследования кратковре-

менной памяти теснейшим образом связаны с рядом актуальных теоретических и прикладных задач общей и инженерной психологии.

Три уровня функционирования памяти - сенсорная, оперативная кратковременная и долговременная образуют единую систему регуляции деятельности человека. Построенные функциональные модели деятельности человека показывают, что память не является изолированной функцией, а включена в целостную структуру деятельности, взаимодействуя с ее сенсорными, интеллектуальными и моторно-речевыми компонентами, осуществляя различные уровни преобразования информации в соответствии с характером выполняемых задач.

Особый интерес для исследований представляет собой именно оперативная кратковременная память (ОКП), так как вообще процесс хранения информации в памяти динамичен и не сводится просто к механическому ее запечатлению. Сохраняемая в памяти информация в процессе деятельности подвергается разнообразным преобразованиям, которые могут быть не только количественными, но качественными и структурными. Основной функцией ОКП является извлечение и ввод информации в долговременную память, своевременное обеспечение механизма регуляции деятельности адекватной информацией.

В настоящее время одним из важных условий решения профессиональных задач является наличие навыков работы с компьютером. В свою очередь выработка таких навыков требует организации работы памяти, изучения закономерностей ее функционирования в связи со спецификой выполняемой деятельности.

В соответствии с этим при рассмотрении вопроса о подготовке и переподготовке современных специалистов возникает несколько вопросов общего характера:

- Компьютер дает человеку новые возможности оптимизации работы оперативной памяти и позволяет ему полностью реализоваться в профессиональной сфере или накладывает ограничения и мешает полному раскрытию творческого потенциала личности?

- Способен ли специалист, привыкший пользоваться компьютером для решения определенных мнемических задач так же успешно решать их без него?

- Как помочь адаптироваться к новым условиям (компьютеру) подачи материала для ОП профессионалу, который ранее в течение многих лет с этим не сталкивался?

- Какие психологические закономерности работы ОП должны быть учтены и использованы при разработке программного обеспечения (ПО) ЭВМ?

- Как полностью использовать положительное влияние компьютера на процессы ОП в профессиональной и когнитивной деятельности?

- Какой способ подачи материала является более эффективным с точки зрения запоминания - с дисплея компьютера или традиционный - в письменной или печатной форме, в зависимости от характера материала и индивидуальных особенностей человека?

Анализируя работу ОП в системах "человек-компьютер" можно выделить два основных фактора, существенно влияющих на эффективность ОКП:

- структура ПО компьютера как фактор, который может активизировать или дезактивизировать работу ОКП (например, режим диалога с компьютером может активизировать работу ОП). Многие разработчики ПО вместо задачи активизации мышления человека-пользователя ставят задачу замены мыслительного процесса человека работой соответствующей программы, не сознавая того, что психика человека качественно отличается от работы компьютера, обладая такими факторами, как всесторонность, объемность, активность, избирательность, отсутствие шаблонности. В результате пользователь заведомо оказывается лишь в роли оператора, вводящего данные в компьютер и получающего готовый результат анализа этих данных, и его труд превращается из творческого в рутинный.

- субъективный фактор, связанный с индивидуальными особенностями личности, такими как характер, темперамент, эмоциональный уровень, целевые установки, мотивы, ценностные ориентации, способность к систематизации, объем долговременной памяти, профессиональные навыки и, особенно, психологическая готовность к работе с компьютером.

Реализация принципа деятельности применительно к исследованиям памяти шла в психологии по двум основным направлениям: первое - это определение места памяти в структуре деятельности и ее зависимости от этой структуры. С этой точки зрения было проведено различие между произвольным и непроизвольным запоминанием. Если запоминание является прямой целью деятельности, то это запоминание будет произвольное. Непроизвольное запоминание выступает как следствие или продукт самых разнообразных действий, направленных на достижение других, но не мнемических целей. При этом специальное внимание было уделено выявлению зависимости непроизвольного запоминания от места, которое занимает тот или иной материал в структуре деятельности. Было показано, что наиболее продуктивно запоминается материал, который непосредственно входит в содержа-

ие цели деятельности. Запоминание материала, связанного с условиями достижения цели, является менее эффективным, а хуже всего запоминается нейтральное фоновое воздействие, не связанное никак с целью, задачами и условиями осуществляемой деятельности

Второе - всесторонний и углубленный анализ строения познавательной деятельности, ведущей к запоминанию, характера умственных действий и приемов, лежащих в основе произвольного и непроизвольного запоминания. Было показано, что чем активнее и глубже анализ материала, чем всестороннее и содержательнее раскрываются связи в нем посредством разных способов и приемов, тем продуктивнее произвольное и непроизвольное запоминание.

Рост продуктивности памяти человека неразрывно связан с расширением арсенала приемов опосредованного запоминания, с увеличением разнообразия в использовании этих приемов, с более высоким уровнем овладения ими. Индивидуальные различия в скорости и прочности запоминания разных видов материала также закономерно зависят от богатства и рационального применения опосредованных способов запоминания, от активной деятельности по смысловой перестройке материала. Существует прямая зависимость объема кратковременной памяти от сформированности способов действия с запоминаемым материалом.

Применяя принцип деятельности и идеи системного подхода к анализу протекания психических процессов в работах использующих компьютер, большинство исследователей приходят к выводу о том, что решающим фактором эффективности работы ОКП выступает собственная когнитивная активность субъекта в процессе запоминания, наличие у него явных или скрытых мотивов и целей. Влияние этого фактора может быть настолько велико, что может перекрывать влияние объективных характеристик предъявляемых стимулов в ходе эксперимента, и что большая часть различий в количественных показателях и качественных показателях эффективности при традиционной подаче материала и при подаче с компьютера будет определяться наличием мотивации у субъекта - явной или скрытой. И даже сами условия эксперимента порождают у субъекта внутреннюю мотивацию, которую он формирует сам под влиянием его условий.

Отечественными психологами давно была высказана и подтверждена гипотеза об опережающем влиянии содержания долговременной памяти на процессы ОКП. Наличие стереотипов мышления, которые являются составной частью ДП, оказывается существенным факто-

ром, во многом определяющим качественное содержание и эффективность работы ОКП.

Исследование последнего факта является очень важным из-за таких дезориентирующих явлений как:

1. персонализация компьютера, то есть приписывание ему черт человеческой личности (например, может происходить перекладывание ответственности за принятое решение с человека, несущего ответственность, на компьютер);
2. слепая вера в достоверность и точность результатов работы компьютера, в то время, как и компьютер, и ПО могут давать сбои в работе, или не полностью оценивать ситуацию.
3. предубеждение против компьютера как результат личного негативного опыта или нежелания изменять условия работы, приобретать новые навыки.

Актуальный момент исследований связан с наблюдением сбоев в работе ОКП в системах "человек-компьютер", при чем именно тех процессов обработки информации человеком, которые дублирует компьютер в своей работе (пример такого явления, когда человек, который постоянно пользуется компьютером для каких либо вычислений, испытывает затруднения при выполнении простейших вычислительных операций в уме). И кроме того, результаты самостоятельной обработки информации человеком перестают быть достоверными для него самого. Поэтому при разработке ПО и применении его без учета достижений психологической науки, результаты от его применения оказываются скорее негативными, приводят к деградации некоторых функций ОКП, падению эффективности мышления и, соответственно низкому уровню решения учебных и профессиональных задач.

В настоящее время профессиональная деятельность человека все более компьютеризируется. Изменения, которые компьютер вносит в деятельность человека, связаны как с быстрой модернизацией и ростом возможностей самих компьютеров, их программного обеспечения (ПО), так и ресурсами вхождения в различные информационные сети (глобальную - Интернет и различные локальные). Однако последствия компьютеризации нельзя оценить только положительно.

Требуется комплексный анализ и оценка последствий компьютеризации с последующей психологической коррекцией и учета выявленных негативных факторов.

Знание закономерностей оперативной памяти в системах "человек-компьютер" может рационализировать работу специалистов различного профиля и их профессиональную под-

готовку в процессе овладения навыками работы с компьютером.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова С.П. Память в процессе обучения и профессиональной деятельности. Астон. Г. Тернополь 1997 г. 351с.
2. Заика Е.В. Экспериментальная психология памяти: основные методики и результаты исследований. ХГУ. Харьков. 1992г. 364с.
3. Землянская Е.В., Шапарь В.Б. Особенности развития профессиональной памяти в условиях военного ВУЗа. В сборнике Теоретические и прикладные проблемы практической психологии. КубГУ. г. Краснодар. 1992 г.
4. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. АПН РСФСР. 1961 г. 563 с.
5. Корнилова Т.В. Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. МГУ. г. Москва 1990 г. 192
6. Тихомиров О.К. Бабанин Л.Н. ЭВМ и новые проблемы психологии. МГУ. Г. Москва. 1986 г. 186 с.
7. Лабораторный практикум по основам инженерной психологии. Под редакцией Душкова Б.А.) Высшая школа. г. Москва 1983 г. 231 с.

Надійшла до редакції 03.11.2000г.

Г.В.Суходольский

Метапсихология как новый подход к пониманию научной психологии

В поданій статті розглядається метапсихологія як новий підхід до розуміння наукової психології. Психіка розглядається з точки зору метапсихології (морфологічно, аксеологічно та гносеологічно). Запропонований підхід до місцезнаходження психології в системі наук та її власна структура.

Существует немало заблуждений в понимании психологии как науки. Поэтому думается, что новому столетию необходим новый подход к пониманию научной психологии. Я называю этот подход «метапсихология». Так как греческая приставка «мета», помимо прочего, означает следование во времени или пространстве, то метапсихологию можно рассматривать и как новый этап в развитии психологической науки.

Зарубежные и отечественные историки считают психологию молодой наукой, получившей самостоятельность лишь в результате

создания В.Вундтом Лейпцигской лаборатории экспериментальной психологии. Но самостоятельность науки определяется наличием особого предмета и метода, наличием знаний, запечатленных в монографиях и лекционных курсах. Все это было в трактате Аристотеля «О душе», в «Эмпирической психологии» и «Рациональной психологии» Христиана фон Вольфа, в «Психологии» И.Герберта и во многих других публикациях задолго до В.Вундта. Поэтому в метапсихологии следует считать научную психологию ровесницей физики; тем более, что экспериментальная психология не исчерпывает всей научной психологии.

В традиционном понимании психология есть наука о душе, адаптирующей субъекта к Миру, отражающей этот Мир и регулирующей поведение субъекта в нем. Правда существует мнение, которому учат студентов, что на протяжении своей истории в психологии менялся предмет изучения. Но такая закономерность присуща и другим наукам, например, физике и математике. И сейчас в разных научных школах и отраслях психологии, в качестве предмета изучаются отдельные аспекты и проявления психики человека и животных. Все же понимание предмета психологии остается дискуссионным, а понятие о душе – не определяющим.

С позиций метапсихологии, психология есть наука о душе (и духе) человека или животных, познающих и творящих Мир, активно приспособляющих Мир к себе и себя к Миру. Так что человек (животное) посредством психики непрерывно погружен в Мир, взаимодействует с ним, причем оба изменяются. Таким образом, если предметом психологии есть психика (душа и дух), то предмет метапсихологии есть психика «плюс» Мир, то есть метасистема, одним из элементов которой является система психики.

Метапсихологически психика как система должна быть рассмотрена морфологически, аксеологически и гносеологически. Начну с онтологии. Бытие психики обусловлено бытием живого тела ее обладателя – животного или человека. Психика не существует вне или без живого тела (как бы этого не хотелось людям). Тело без психики тоже есть просто труп, даже если медицинскими средствами поддерживается жизнь некоторых физиологических систем и тканей. Носителем психики служит центральная нервная система и главным образом большой мозг (у человека), его нейронные структуры, обрабатывающие информацию, поступающую от органов чувств, воспринимающих состояние внешней среды и физиологических систем организма. Аналогом может служить информация в компьютере автоном-